

Ў ЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

О БЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

11

1975

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Тўққизинчи йил наشري

11

1965

ЎЗБЕКИСТОН ССР „ФАН“ НАШРИЁТИ

Т О Ш К Е Н Т

А К А Д Е М И Я   Н А У К   У З Б Е К С К О Й   С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

11

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*),
акад. АН УзССР Қ. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР
К. Н. БЕДРИНЦЕВ, член-корр. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯ-
МОВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор
филол. наук Г. А. АБДУРАХМАНОВ, доктор экон. наук
А. М. АМИНОВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖАМАЛОВ,
доктор юр. наук Ш. З. УРАЗАЕВ, доктор филос. наук
К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА,
канд. ист. наук А. К. ВАЛИЕВ (*зам. редактора*), канд. ист.
наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ,
Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

СОРОК ВОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

Народы Советского Союза, все передовое человечество торжественно отмечают 48-ю годовщину Великого Октября. Всего два года отделяют нас от полувекового юбилея социалистической революции в России, открывшей новую эру во всемирной истории, эру крушения капитализма и торжества социализма.

Советский народ — строитель коммунизма — достойно встречает годовщину Октября. Выполняются и перевыполняются задания семилетнего плана — важной вехи в борьбе партии и народа за создание материально-технической базы коммунизма. Еще более величественные перспективы хозяйственного и культурного строительства откроются в новой пятилетке (1966—1970), план которой будет утвержден на предстоящем XXIII съезде КПСС. Для Узбекистана и всей Средней Азии это будут годы дальнейшего мощного развития хлопководства, ирригации, химической и металлургической, легкой и пищевой промышленности, еще более широкого использования природных богатств, энергетических ресурсов, полезных ископаемых и т. д. Будет сделан значительный шаг вперед и в сфере культурного строительства, в деле коммунистического воспитания масс.

Все это открывает еще более широкие перспективы и перед работниками советской науки, в том числе общественных наук. В период развернутого строительства коммунизма прямой долг наших философов, экономистов, историков, правоведов — всемерно помогать нашей партии как в теоретическом обосновании закономерностей и путей коммунистического строительства, так и в решении вытекающих из них практических проблем. Не менее важно, чтобы представители общественных наук активно и наступательно вели борьбу против современной буржуазной идеологии, действительно участвуя в воспитании и формировании коммунистической сознательности масс, особенно молодежи.

Вместе со всеми народами нашей страны нога в ногу шагают в борьбе за коммунизм узбекский народ, все трудящиеся нашей республики.

По предварительным данным, задания семилетки в целом будут успешно выполнены промышленностью Узбекистана. За семилетие производство промышленной продукции по Узбекистану выросло в 1,8 раза, а выработка электроэнергии — в 2,3 раза.

Дальнейшему, еще более быстрому и успешному развитию промышленного производства будет содействовать наступление нового важного этапа в развитии социалистической экономики, определенного решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1965 г. Организация управления промышленностью по отраслевому принципу, обеспечение единого технического и экономического руководства деятельностью

промышленных предприятий на основе новых принципов планирования и оценки экономической деятельности предприятий с расширением их оперативной самостоятельности призваны способствовать новому подъему нашей индустрии и на этой основе — еще большему укреплению союза рабочих и крестьян и росту благосостояния советских людей.

В свете решений сентябрьского Пленума еще более возрастают требования партии и народа к науке. И это закономерно. Наше время — время подлинной научно-технической революции. Партия проявляет исключительную заботу о том, чтобы обеспечить полный простор научному и техническому прогрессу, снять все преграды с его пути, покончить с элементами субъективизма и волюнтаризма в научных исследованиях.

В осуществлении решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС особенно большая роль выпадает на долю наших ученых-экономистов. Работники Института экономики нашей Академии, соответствующих кафедр высших учебных заведений республики должны усилить свой вклад в обобщение практики экономического строительства, в разработку наиболее важных перспективных проблем народного хозяйства, анализ эффективности общественного производства и выработку предложений по ее повышению.

Страна ждет от наших ученых новых исследований и открытий, таких теоретических и практических трудов, которые реально содействовали бы повышению благосостояния народа и ускорению создания материально-технической базы коммунизма.

В первых рядах всенародной борьбы за построение коммунизма в нашей стране идут и труженики колхозных и совхозных полей.

С удовлетворением воспринимаются первые итоги напряженного труда работников сельского хозяйства в борьбе за осуществление решений мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г., раскрывшего новые огромные резервы нашего сельского хозяйства и указавшего лучшие пути их использования.

Уже сейчас очевидно, что решения Пленума оказывают все возрастающее влияние на укрепление экономики колхозов и совхозов, на повышение материального уровня жизни советского народа.

К 48-й годовщине Октября труженики сельского хозяйства Узбекистана пришли с достижениями, радующими всю нашу страну. Это касается в первую очередь достигнутых хлопкоробов республики, дающих стране более 2/3 общесоюзного производства хлопка. С большим удовлетворением отмечаем мы тот факт, что уже в канун 48-й годовщины Октября хлопкоробы республики впервые в столь ранний срок добились успешного выполнения своего обязательства — дать Родине в этом году не менее 3650 тыс. тонн «белого золота».

Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия, вызвавшие сильное маловодье и другие серьезные трудности для земледелия, героические усилия и высокая организованность труженников полей помогли преодолеть угрозу потери значительной части урожая хлопка.

Отрадно отметить, что во многих хозяйствах и даже целых районах богатый урожай хлопка был убран преимущественно машинами, численность которых достигает в этом году 20 тысяч.

Справедливо гордясь своими замечательными достижениями на всех участках коммунистического строительства, узбекский народ глубоко сознает, что всеми этими успехами он обязан прежде всего победо Великой Октябрьской социалистической революции, нашей родной ленинской партии коммунистов. Мозг и сердце народа, партия является признанным вождем и организатором трудящихся, руководителем революционного преобразования общества...

...Очистительная буря Великой Октябрьской революции проносится над всем земным шаром. Слабеют силы империализма, капиталистического рабства и угнетения, растут и крепнут силы мира, демократии и социализма. Замечательные свершения советского народа в борьбе за мир и коммунизм окрыляют и вдохновляют простых и честных людей Земли на борьбу против засилья капиталистических монополий, против империалистической реакции, за свободу и независимость, дружбу и процветание народов.

Трудящиеся Узбекистана вместе со всем советским народом полны решимости еще более умножить свои усилия в борьбе за претворение в жизнь великой Программы строительства коммунизма, утверждающего на Земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Х. ЯКУБОВ

ПЕВЕЦ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

(К 60-летию со дня рождения Айбека)

Исполнилось 60 лет со дня рождения Айбека — выдающегося узбекского советского писателя, поэта и публициста, ученого-литературоведа и общественного деятеля.

Айбек (Ташмухамедов Муса) родился 10 января 1905 г. в Ташкенте в семье кустика-ткача. После Октябрьской революции жажда к знаниям привела молодого Айбека сперва в начальную советскую школу «Намуна», а затем в Педагогический техникум им. Навои. Окончив техникум (1925 г.), он поступил на экономическое отделение факультета общественных наук САГУ, по окончании которого с 1930 по 1935 г. работал в университете преподавателем политической экономии.

Первые небольшие стихотворения Айбека появились в печати в 1922 г. В 1926 г. издается его сборник стихов «Чувство», затем — «Флейты сердца» (1929) и «Светоч» (1932). В своих стихотворениях Айбек воспекает новую жизнь, пафос революции, красоту трудового народа, героизм советских людей, строящих социализм.

В начале 30-х годов поэт обращается к жанру поэмы. В первой поэме «Дильбар — девушка эпохи» (1932) он создает образ новой, освобожденной революцией женщины-узбечки. Исторические темы поднимает Айбек в поэмах «Месть» (1932) и «Бахтигуль и Сагындык» (1933), рассказывающих о тяжелой жизни и судьбе узбекской и казахской женщины до революции. Поэма «Кузнец Джура» (1933) посвящена самоотверженной борьбе узбекского народа в годы Октябрьской революции и гражданской войны. В поэме «Навои» Айбек воссоздает образ великого узбекского поэта и мыслителя. Поэма «Героическая девушка» посвящена героизму испанского народа, сражавшегося против фашизма.

Уже в 30-е годы Айбек показал себя и как замечательный переводчик. Им были переведены на узбекский язык десятки поэтических произведений с русского и других братских языков. Перевод Айбеком гениального произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин» не только обогатил золотой фонд национальной культуры, но и вдохновил узбекского поэта к «энциклопедическим творческим замыслам». «Я занимался переводами и вынашивал замысел романа», — говорит Айбек в своей «Автобиографии», имея в виду роман «Священная кровь».

Замечательный мастер в лепке характеров и образов Айбек в романе «Священная кровь» (1938) изображает тяжелую жизнь узбекского народа до Октябрьской революции, его борьбу за свои права. В образе главного героя романа Юльчи Айбек создал исключительную по художественной силе и выразительности биографию человека из народа, историю его пути в борьбе за свободу. В образе Юльчи писатель обобщенно показывает рост национального, классового самосознания трудящихся

узбеков под воздействием конкретно-исторических событий. Роман проникнут мыслью о мощи и духовной красоте трудового народа, который вопреки чудовищному угнетению хранит истинно человеческие богатства и движет историю вперед, навстречу светлому будущему.

В годы Великой Отечественной войны Айбек, как и все советские писатели, посвятил свое творчество борьбе с ненавистным врагом.

В стихотворениях „Смерть врагу“, „Победа за нами“, „Наша любовь безгранична“ и многих других Айбек с огромным пафосом говорит о решимости советского народа разгромить врага. В балладах „Настанут дни“ и „Тетушка Айша“ он создает образ матери, пославшей своего сына сражаться за честь Родины.

В годы войны громко прозвучал голос Айбека-публициста, гневно клеймившего фашистских захватчиков и призывавшего советских людей отдать все свои силы на разгром врага. Публицистическая страстность писателя идет от самого сердца, отданного целиком партии и народу.

Крупнейшим произведением Айбека военных лет является роман „Навои“. Создавая этот роман, Айбек оставался верным своему реалистическому подходу в изображении характеров и событий, освещая далекую старину глазами современника. В романе правдиво показано столкновение социально-классовых сил, борьба передовых идей с отсталостью и косностью. Писатель находит в темном царстве междоусобиц войны Тимуридов золотые зерна народной мудрости, светлые идеалы добра и прогресса.

Проблема связи исторического героя с народными массами решается в романе весьма своеобразно. Навои, великий гуманист своей эпохи, отдает себя делу родины и народа. Он всем сердцем верит в могущество разума. Но гуманные идеалы Навои не могли воплотиться в жизнь в тех исторических условиях. Айбек умело показывает противоречия изображаемой им эпохи, и на этом фоне возникают, разворачиваются и решаются все конфликты в романе.

Айбек

Роман «Навои» явился крупным вкладом в формирование исторического жанра в узбекской советской литературе. За это произведение писателю в 1946 г. было присуждено звание лауреата Государственной премии.

Айбек широко известен не только как писатель, но и как видный ученый, литературовед и критик. Его перу принадлежит более 50 научных трудов по литературоведению и критике, истории современной узбекской литературы. Среди них особо выделяются работы о жизни и творчестве Алишера Навои и первом узбекском романисте-прозаике Абдулле Кадыри.

Исследования Айбека о Навои («Литературное наследие Навои», «Жизненный и творческий путь великого мыслителя», «Великий узбекский поэт Алишер Навои», «Тема и мотивы любви в газелях Навои», «Философская лирика Навои», «Образы «Пятерицы» — пять поэм Навои», «К вопросу мировоззрения Навои», «Мир идей Навои» и др.) отличаются богатством и достоверностью фактического материала, глубиной мысли, тонким анализом природы художественных образов и мастерства поэта. Айбек подчеркивает общественное значение творчества Навои, выражавшего прогрессивные, гуманистические идеи своей эпохи.

Большую ценность представляет работа Айбека «Об историческом развитии узбекской поэзии», предпосланная в качестве предисловия к «Антологии узбекской поэзии». В ней в сжатом виде характеризуется исторический путь развития узбекской поэзии и устного народного творчества с древнейших времен до наших дней.

Литературно-критические работы Айбека «За социалистическую лирику», «Узбекская поэзия последних лет», «Откроем огонь по вулгаризаторству в области критики», «Язык узбекской поэзии», «Узбекская литература на подъеме», «За высокоидейность узбекской поэзии», «Узбекская поэзия за 25 лет» и другие проникнуты подлинной партийностью и высокой принципиальностью. В них поднимаются актуальные вопросы узбекской советской литературы.

Большой знаток русской литературы Айбек написал также ряд статей и докладов о Пушкине, Чехове, Горьком и др.

За свои многочисленные исследования в области литературоведения и истории литературы Айбек в 1943 г. был избран действительным членом созданной тогда Академии наук Узбекской ССР. Почти десять лет он был руководителем Отделения общественных наук АН УзССР и внес большой вклад в подготовку литературоведческих кадров республики.

В 1946—1950 гг. Айбек был председателем Союза писателей Узбекистана. Он всемерно содействовал укреплению Союза, воспитанию и росту молодых писателей, повышению их идейно-художественной зрелости и мастерства.

В эти годы Айбек создал такие произведения, как поэмы «Девушки» (1947), «Хамза» (1948), роман «Ветер Золотой долины» (1949) и много стихотворений.

В поэме «Девушки» Айбек отобразил героический труд узбекских девушек в годы Великой Отечественной войны, тесное единение фронта и тыла, обеспечившее победу над врагом.

В поэме «Хамза» образ основателя узбекской советской литературы предстает перед читателем бесстрашным борцом за новую жизнь, замечательным человеком, обладающим лучшими чертами подлинного представителя нового мира, талантливым поэтом, стойким коммунистом, вдумчивым воспитателем. Поэма, пронизанная глубоким реализмом,

передает сокровенные мысли и чувства Хамзы. Несмотря на свой трагический финал, поэма звучит оптимистически.

С годами тематика поэзии Айбека становится более разнообразной. В 1949 г. с группой советских писателей он побывал в Пакистане. Возвратившись на Родину, поэт написал о Пакистане, о жизни его трудового народа несколько стихотворений и очерков под общим названием «Пакистанские впечатления», поэмы «Зафар и Захро», «Искатели правды», а также повесть «В поисках света».

В том же году Айбек написал роман «Ветер Золотой долины», в котором рассказывается о самоотверженном труде узбекских хлопкоробов в первые послевоенные годы. Писатель с большим мастерством раскрывает моральный и идейный облик тружеников колхозного села, их мужество в борьбе с трудностями.

Повесть Айбека «В поисках света» (1958) посвящена жизни и борьбе пакистанского народа за мир, за демократические преобразования и свободу. Повесть явилась как бы художественным воплощением живых впечатлений, вынесенных писателем из его путешествия по Пакистану.

Еще в годы войны Айбек начал работу над романом «Солнце не померкнет», стремясь показать в нем подвиги воинов-узбеков на фронтах Отечественной войны. С этой целью писатель отправился в Действующую Армию, побывал в зоне военных действий, непосредственно знакомился с героями своей будущей книги.

Работу над этим произведением Айбек завершил в 1958 г. События в романе «Солнце не померкнет» связаны с жизнью одного батальона, которым командует испытанный командир Стеклов, а после его смерти Николин. Плечом к плечу с русскими солдатами и бойцами других национальностей в жарких боях мужали и закалялись воины-узбеки. Автор яркими красками рисует образ главного героя романа — бывшего колхозного пастуха Бектемира, который с помощью боевых друзей становится опытным воином, познавшим силу солдатской дружбы, воспитанным в духе высоких принципов советского патриотизма.

В 1963 г. вышла в свет автобиографическая повесть Айбека «Детство» (на узбекском и русском языках), удостоенная Республиканской премии имени Хамзы Хаким-заде Ниязи. Тот многогранный реализм, одновременно критикующий и утверждающий, который был характерен для романа «Священная кровь», нашел своеобразное выражение и в повести «Детство». В ней повествуется о формировании героя, вышедшего из народа, о его внутреннем росте, духовном обогащении, становлении его идеалов. Этот внутренний рост показан в непрерывном взаимодействии с окружающей средой. Жизнь ставит перед юным Мусой острые вопросы нравственно-этического и социального порядка. Разрешая их по-своему, он проверяет свои выводы на практике, в общении с людьми разных профессий и социальных групп. Многие из них внушают Мусе любовь к труду, к жизни, к людям, раскрывают ему глаза на красоту природы, искусства, народно-поэтического творчества, и в нем пробуждается желание быть полезным своей Родине, своему народу.

Сейчас Айбек работает над новым романом «Великий путь», отдельные отрывки из которого уже публикуются. События в нем охватывают период 1917—1922 гг.

Творчество замечательного мастера слова, поэта и писателя Айбека известно далеко за пределами Узбекистана. Его исторические романы «Священная кровь» и «Навои» стали классическими произведениями узбекской советской литературы. Все романы и повести, а также многие поэмы и стихи Айбека переведены на русский язык и языки других народов СССР и зарубежных стран. За свою плодотворную творческую

деятельность Айбек награжден тремя орденами Ленина, орденами «Трудового Красного Знамени» и «Знак Почета». Народ избрал его депутатом Верховного Совета СССР.

Ныне Айбек находится в расцвете своих творческих сил. «Голова полна новых замыслов...», — говорит Айбек. — Народ и партия всегда давали мне вдохновение и силы, и весь мой труд, вся моя любовь до последнего дня моей жизни принадлежит им, строителям будущего — коммунизма».

Х. Якубов

ХАЛҚ ҲАЁТИНИНГ КЎИЧИСИ

(Ойбек туғилган кунинг 60-йиллигига)

Мақола Ойбек (Муса Тошмухамедов) нинг туғилган кунинг 60-йиллигига бағишланган. Автор бу буюк ўзбек совет ёзувчиси ва шоири, жўшқин публицист, буюк адабиётшунос-олим ва таниқли жамоат арбобининг ҳаёт йўли ва ижодий фаолиятини қисқача характерлаб берган.

А. М. АМИНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ — НАУЧНАЯ ОСНОВА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Современный этап коммунистического строительства в СССР, развитие мировой социалистической системы предъявляют большие требования к экономической науке, повышению ее роли в коммунистическом строительстве, хозяйственной политике Коммунистической партии и Советского государства.

Развитие экономической науки всегда находилось в центре внимания Коммунистической партии. Социалистическая система народного хозяйства складывалась и формировалась на научной основе, в соответствии с объективными потребностями экономического развития общества. Руководствуясь созданной В. И. Лениным цельной теорией создания социалистической экономики, Коммунистическая партия добилась решающих успехов в социалистическом строительстве. В своей революционной деятельности партия творчески развивала марксистско-ленинскую экономическую науку, обогащала ее новыми обобщениями практики хозяйственного строительства в нашей стране и других социалистических странах.

Особую роль в теоретическом развитии экономической науки сыграли исторические решения XX—XXII съездов партии. Творческое развитие марксистско-ленинской экономической теории нашло глубокое отражение в Программе КПСС.

За последние годы наша экономическая наука достигла определенных успехов. Значительно сократился разрыв между теоретическими исследованиями и практикой коммунистического строительства. Разработаны крупные проблемы, имеющие большое теоретическое и народно-хозяйственное значение: о законах политической экономии социализма; об экономических закономерностях перерастания социализма в коммунизм, создания материально-технической базы коммунизма, развития и сближения двух форм социалистической собственности; о темпах и пропорциях социалистического воспроизводства; о повышении эффективности общественного производства и капитальных вложений в народное хозяйство.

Наши экономисты принимали непосредственное участие в разработке рациональной схемы размещения производительных сил страны, перспективного межотраслевого баланса производства и распределения общественного продукта СССР на 1970 г. Большая работа идет по созданию научно обоснованной системы ценообразования, совершенствованию планирования, усилению материальной заинтересованности и укреплению хозрасчета. В экономических исследованиях все шире применяются математические методы и т. д.

За последние годы вышел ряд учебников и учебных пособий по политической экономии и отраслевой экономике, что способствовало зна-

чительному улучшению преподавания политической экономии и экономической пропаганды. Повысился уровень экономических исследований и экономического образования в союзных республиках. Институт экономики АН УзССР и кафедры Ташкентского института народного хозяйства выпустили ряд монографий по актуальным проблемам экономического строительства и экономической истории Узбекистана.

И тем не менее со всей определенностью следует подчеркнуть, что современное состояние экономической науки еще не отвечает тем высоким требованиям, которые предъявляются к ней самой жизнью, практикой коммунистического строительства. Не преодолены еще до конца догматизм и вредные последствия влияния культа личности. Положение усугубляется тем, что в последние годы роль экономической науки была принижена. В хозяйственной политике превалировали субъективизм, волюнтаризм, волевые решения. Все эти действия находились в противоречии с объективными экономическими законами науки и наносили огромный ущерб народному хозяйству страны. Наибольший ущерб нанесен сельскому хозяйству, что привело к торможению его развития. Основной причиной отставания сельскохозяйственного производства, как отмечалось в решениях мартовского Пленума ЦК КПСС, явилось нарушение экономических законов социалистического хозяйства, принципов сочетания общественных и личных интересов, материальной заинтересованности, хозяйственного расчета и экономических отношений между государством и сельскохозяйственными предприятиями.

Особенно пагубное воздействие оказал субъективизм в политике ценообразования на сельскохозяйственную продукцию, когда в течение ряда лет закупочные цены на некоторые продукты сельского хозяйства не покрывали даже затрат на их производство. Тут явно нарушались требования экономического закона трудовой стоимости, а в результате сельскохозяйственные предприятия терпели большие убытки. Отсутствие прибыли исключало возможность нормального расширенного воспроизводства общественного хозяйства колхозов и совхозов. Все эти убытки фактически покрывались за счет дотации государства. Для совхозов существовала система экономически не обоснованных дотаций, а многие колхозы (особенно экономически отсталые) также получали косвенные дотации в виде списания с них задолженности Государственному банку.

Пороки ценообразования состояли и в том, что, с одной стороны, в сельское хозяйство направлялись определенные капитальные вложения, а с другой, — через систему высоких цен на промышленные товары («ножницы цен») значительная часть этих средств фактически снова отбиралась у колхозов и совхозов. Перед сельским хозяйством ставились все новые и новые большие задачи, которые никак не согласовывались с их экономическим положением, размерами капитальных вложений, материально-техническими возможностями. Эти экономически не обоснованные задачи, как правило, не выполнялись, что ставило хозяйство в весьма тяжелое положение.

Но больше всего на положении сельского хозяйства отражалась существовавшая система заготовок его продукции. Система заготовок и закупок как сфера обращения товаров и определенная форма экономических отношений между государством и сельскохозяйственными предприятиями должна стимулировать развитие сельского хозяйства, но лишь в том случае, если реализация товаров осуществляется в соответствии с экономическими законами. Если же требования этих законов нарушаются, то такая система наносит большой ущерб производству, тормозит его развитие и подрывает его экономическую основу. Существовавшая ранее система закупок и заготовок не могла способ-

ствовать развитию производства. Отсутствие стабильных планов заготовок, рассчитанных на большой срок, твердых закупочных цен, учитывающих общественные затраты хозяйства, и многие другие пороки этой системы вносили неуверенность в работу колхозов и совхозов, наносили ущерб их хозяйству, сковывали их хозяйственную инициативу и т. д.

Волюнтаристский подход к экономической политике весьма рельефно проявлялся в неправильных методах руководства колхозами совхозами, нарушении демократических основ колхозного производства. Многочисленные, порою надуманные перестройки и голое администрирование порождали обстановку нервозности и суеты, лишали руководителей перспективы, подрывали у них веру в свои силы, нарушали принципы социалистического хозяйствования, от чего страдали интересы сельского хозяйства и государства.

Большой ущерб нашему сельскому хозяйству нанесли необдуманное преобразование колхозов в совхозы, кампания по объединению, укрупнению колхозов, которое чрезвычайно усложнило руководство колхозами-«гигантами».

Субъективизм в руководстве сельским хозяйством выражался и в шаблонном применении агротехники, игнорировании экологических и экономических условий различных природных зон, требований сельскохозяйственной и биологической науки и передовой практики. Необоснованные рекомендации по структуре посевных площадей, отказ от севооборотов и рациональной травопольной системы — все это нанесло значительный ущерб сельскому хозяйству страны. Особенно пострадали районы черноземной полосы, зоны гарантированных урожаев. В сложном экономическом положении оказались хозяйства целинных районов страны, где вследствие шаблонных указаний были допущены монокультуры, одностороннее развитие хозяйств.

Монокультура особенно насаждалась в хлопковых районах страны, где посевы хлопчатника местами доходили до 85% общей посевной площади в ущерб хлопко-люцерновому севообороту (обогащающему экономические плодородные почвы), за счет вытеснения зерновых культур и прежде всего такой высокоэффективной и ценной культуры, как рис.

Монокультура хлопчатника и распашка клеверников привели к резкому ухудшению кормовой базы животноводства, да и урожай хлопка в целом по республикам Средней Азии отставал от тех капитальных вложений, которые направлялись в сельское хозяйство.

Советское государство ежегодно расходовало огромные средства на орошение и гидротехнические сооружения, орошались и осваивались сотни тысяч гектаров новых земель. Но дело в том, что ирригация и освоение новых массивов недостаточно подкреплялись коренной мелиорацией земель. С одной стороны, орошаются сотни тысяч гектаров новых земель, а с другой, — ввиду исключительно плохого мелиоративного состояния земель (подъем грунтовых вод в результате орошения, засоление и заболочивание) почти такие же площади выходят из сельскохозяйственного оборота, и в результате огромные капиталовложения на орошение и освоение новых земель не дают должного эффекта. Между тем экономически обоснованная коренная ирригация обязательно предполагает коренную мелиорацию, без чего не может быть и речи об эффективности капитальных вложений в ирригацию.

В качестве иллюстрации пагубных последствий субъективизма мы взяли именно сельское хозяйство, ибо на него сейчас обращено первоочередное внимание партии и народа. И это не случайно: во-первых, волюнтаризм, субъективизм оказали отрицательное воздействие прежде всего на сельское хозяйство, что привело к его серьезному отставанию;

во-вторых, без создания процветающего сельского хозяйства не может быть и речи о построении материально-технической базы коммунизма; в-третьих, подъем сельского хозяйства — один из важнейших вопросов экономической политики партии, затрагивающий основу основ Советского государства — отношения рабочего класса и крестьянства. Вот почему Центральный Комитет нашей партии стремится как можно быстрее исправить ошибки, допущенные в сельском хозяйстве, покончить с субъективизмом и на широкой экономической основе, с учетом требований науки и передового опыта обеспечить общий подъем сельского хозяйства. Исходя из этого, мартовский Пленум ЦК КПСС наметил действенные меры по подъему сельского хозяйства, развитию общественно-экономических отношений в деревне, повышению уровня экономической работы в колхозах и совхозах и укреплению демократических основ сельскохозяйственной артели.

Воодушевленные решениями мартовского Пленума ЦК КПСС работники сельского хозяйства по-деловому взялись за исправление допущенных ранее ошибок, настойчиво добиваясь общего подъема сельского хозяйства страны.

Волюнтаризм и субъективизм оказали пагубное действие не только на сельское хозяйство, но и на руководство и управление промышленностью. Ликвидация специализированных, отраслевых министерств, создание системы совнархозов, отраслевых и государственных производственных комитетов не дали необходимого эффекта в управлении народным хозяйством. Основным недостатком указанных органов состоял в крайней централизации управления, нарушении ленинских принципов демократического централизма в управлении производством, предполагающих развитие творческой инициативы низовых органов управления и хозяйственно-оперативной самостоятельности предприятий.

Как отмечалось в решении сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1965 г., управление промышленностью по территориальному принципу сдерживало развитие отраслевой специализации и рациональных производственных связей между предприятиями, находящимися в разных экономических районах, отдавало науку от производства, привело к раздробленности и многоступенчатости руководства отраслями промышленности, к потере оперативности в работе. Поэтому Пленум считал необходимым организовать управление промышленностью по отраслевому принципу, образовать вместо совнархозов экономических районов отраслевые общесоюзные и союзно-республиканские министерства.

Особенно не оправдали себя межреспубликанские совнархозы (Среднеазиатский, Закавказский и др.). Вместо координации и направления усилий союзных республик на совместное использование природных, земельно-водных ресурсов, Средазсовнархоз сосредоточил всю промышленность этого обширного края, от важнейших ее отраслей до местной пищевой промышленности и даже предприятий бытового обслуживания населения. При такой системе высокой централизации местные органы власти лишены были возможности участвовать в управлении промышленностью, а сам Средазсовнархоз оказался физически не в состоянии оперативно, по-деловому руководить громадным хозяйством Средней Азии. Поэтому ЦК КПСС и Советское правительство приняли правильное и своевременное решение о ликвидации Средазсовнархоза.

Однако это не означает, что проблема экономического сотрудничества и взаимопомощи братских республик теряет свой смысл и значение. Напротив, она является закономерностью нашего развития, важнейшим условием взаимообогащения и сближения социалистических наций. Республики Средней Азии находятся примерно в одинаковой природной

зоне, совместно используют живительные воды Амударьи и Сырдарьи. Между народами края издавна сложились тесные экономические и культурные связи. Общими усилиями они осваивают водные, земельные и природные ресурсы Средней Азии, создают новые крупные районы хлопководства. Это братское сотрудничество будет неуклонно расти и развиваться, становясь все более тесным и многогранным. И естественно, должен существовать орган, координирующий (на началах добровольности и широкого представительства республик) экономические и трудовые усилия среднеазиатских республик в виде существовавшего до организации Средазсовнархоза Совета по экономической координации.

В настоящее время перед нашей экономической наукой во весь рост встала задача — повысить роль экономической теории в коммунистическом строительстве, усилить воздействие ее на хозяйственную политику Коммунистической партии и Советского государства.

Прежде всего необходимо устранить все еще имеющийся отрыв политической экономии от жизни, от насущных проблем коммунистического строительства, обогатив ее обобщением опыта социалистического строительства, закономерностей перехода к коммунизму; исследовать широкий круг проблем народного хозяйства, глубоких процессов экономической жизни и, таким образом, сделать политическую экономию подлинной научной основой экономической политики. Надо раз и навсегда уяснить себе ленинское положение о том, что политическая экономия изучает производственные отношения людей, общественный строй производства не в отрыве от производительных сил, а в тесной связи с ними. Поэтому метод научной абстракции, как верный метод политической экономии, должен быть дополнен экономико-математическим методом; качественный анализ должен быть дополнен количественной характеристикой экономических процессов и различных категорий политической экономии. Главная задача состоит в том, чтобы экономические законы и категории изучались и освещались не догматически, а творчески, путем вскрытия сущности и механизма действия объективных законов, путей и методов использования их на практике. Политическая экономия должна всесторонне и квалифицированно решать задачи хозяйственного строительства, правильно и своевременно подмечать прогрессивные тенденции экономического развития и т. д.

Обычно говорят, что политическая экономия является абстрактной, отвлеченной наукой, а кроме нее, есть конкретная экономика (то, что мы называем отраслевой экономией). Это явное заблуждение. Марксистско-ленинская политическая экономия всегда черпала материалы для своего обобщения из жизни, из практики социалистического и коммунистического строительства. В то же время ее выводы и обобщения имели неоспоримое значение в революционном преобразовании общества, строительстве социализма и коммунизма.

Известно, что классики марксизма-ленинизма придавали огромное значение аграрным проблемам. Ленинские работы по аграрному вопросу («Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос и «критики» Маркса», «О кооперации» и многие другие) сыграли огромную роль в выработке аграрной программы партии, кооперативного плана, политики партии по отношению к крестьянству и т. д. К сожалению, теоретические проблемы сельского хозяйства выпали из поля зрения политической экономии. Важнейшие проблемы политической экономии социализма (товар, стоимость, цены, прибыль и др.) следует рассматривать не как категории, унаследованные от капитализма, как «иностранное тело» для социализма, с которым надо как можно быстрее расстаться. Жизнь показала, что социализм не может существовать без этих категорий, они

органически связаны с социалистической экономикой. В условиях социализма и перехода к коммунизму закон плановости и другие экономические законы не могут действовать вне движения в товарно-денежных формах, а сами эти формы должны превратиться в орудие и показатели плановости развития народного хозяйства. Это можно показать на примере проблемы ценообразования, суть которой состоит в том, чтобы цены, заложенные в плане, выражали не административный произвол, а реально сложившиеся отношения и способствовали правильному учету затрат труда и эффективности производства, плановости и пропорциональности в хозяйстве. Такое изучение и применение категорий политической экономии приближает ее к жизни, повышает ее воздействие на экономическую политику, государственное планирование развития народного хозяйства.

Политическая экономия изучает закон распределения как специфический закон социализма, но зачастую это изучение носит эмпирический характер (по схеме — необходимость, сущность и требования закона). Однако она не изучает проблему создания наиболее рациональной системы заработной платы, экономические основы дифференциации вознаграждения за труд, проблемы платности и бесплатности общественных фондов потребления при переходе к коммунизму. Теоретическое решение этих задач также усилило бы действенность политической экономии. Можно отметить и другие проблемы политической экономии — проблемы темпов и оптимальных пропорций экономического развития, соотношения между фондами накопления и потребления, эффективности общественного производства, пути подъема производительности труда, проблемы материального стимулирования, хозяйственного расчета, научно обоснованное ценообразование и многие другие жизненно важные вопросы, творческое решение которых неизмеримо повысило бы теоретический уровень экономической науки и ее роль как научной основы хозяйственной политики партии и государства.

Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС по-новому ставят многие вопросы экономической теории; они, в частности, дают возможность глубже понять природу экономических законов и категорий социализма, и прежде всего законов стоимости и стоимостных категорий. Главное состоит в том, что как мартовский, так и сентябрьский Пленумы Центрального Комитета нашей партии предусматривают расширение сферы стоимостных и экономических отношений в качестве необходимой основы для повышения эффективности производства, совершенствования планирования и улучшения руководства народным хозяйством страны.

Вместе с тем должна быть поднята и роль отраслевых экономик. Обычно считается, что политическая экономия социализма изучает общие законы и закономерности экономического развития, а отраслевые экономики изучают конкретное проявление этих законов в различных отраслях народного хозяйства. Такое представление, на наш взгляд, суживает рамки предмета отраслевых экономик, которые должны изучать специфические законы и закономерности отраслей хозяйства, сферы их действия и пути использования их для достижения оптимальной эффективности общественного производства.

Повышение роли экономической науки в формировании экономической политики во многом зависит от уровня экономической работы, подготовки и расстановки экономических кадров и состояния экономической пропаганды.

Влияние экономической науки на практику не может быть полным и достаточно эффективным, если не будет налажена экономическая служба в стране. Задача ее состоит в том, чтобы создание и внедрение

новой техники и технологии, повышение эффективности общественного производства во всех звеньях народного хозяйства сопровождалось серьезным экономическим исследованием и анализом. Технический прогресс и совершенствование технологии должны всегда опираться на научно обоснованную экономическую эффективность с точки зрения народного хозяйства. Для этого надо создать широко развитую сеть отраслевых специализированных институтов, заводских экономических лабораторий и бюро экономического анализа. Для организации слаженной экономической службы следует повысить роль экономистов, плановиков в различных отраслях народного хозяйства. Должность главного экономиста на промышленном предприятии, в колхозе и совхозе должна стать ведущей; они должны быть заместителями директоров промышленных предприятий и совхозов, заместителями председателей колхозов.

В системе народного хозяйства в настоящее время работают экономисты, в основном не имеющие высшего экономического образования. Так, по данным 1961—1962 гг., в аппарате городских и районных плановых органов 65% экономистов не имели высшего экономического образования, а среди экономистов, работающих на предприятиях, высшее специальное образование имели лишь 10%. Специального образования не имеют также треть начальников плановых, финансовых и статистических отделов предприятий и учреждений.

В хозяйственных, планирующих органах УзССР дипломированные экономисты составляют не более 4% от общего числа экономистов. Большая часть инженерно-технических, агрономических и административно-хозяйственных работников не владеют необходимым минимумом экономических знаний. Таким образом, чтобы создать стройную систему экономической службы, а следовательно, повысить роль экономической науки, необходимо обновить кадры экономистов работниками со специальным образованием, повысить квалификацию имеющихся кадров, наладить экономическое образование инженерно-технических, агрономических, хозяйственных и руководящих кадров во всех звеньях народного хозяйства.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что партийные, советские и хозяйственные работники, партийные организации и комитеты должны глубоко, со знанием дела разбираться в экономике производства, развернуть решительную борьбу за бережливость и экономию материальных, денежных и трудовых ресурсов, сделать ее подлинно всепартийным делом, вооружать кадры экономическими знаниями, учить их правильно использовать экономические рычаги для повышения эффективности производства.

Важным фактором усиления экономической работы является увеличение прослойки экономистов в руководстве предприятиями, трестами, ведомствами. В настоящее время в них занято очень мало работников с экономическим образованием. Крайне мало экономистов работает в общегосударственных хозяйственных органах — министерствах СССР, союзных республик, краев и областей, органах Госплана и государственных комитетах Советов Министров СССР и союзных республик. Надо значительно расширить прослойку экономистов в отраслевых научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро, научно-технических советах и советах технико-экономической экспертизы при министерствах, Госпланах, госкомитетах и т. д.

Весьма важной формой активизации экономической работы и повышения ее действенности является широкое и постоянное привлечение ведущих ученых-экономистов к участию в разработке общегосударственных экономических мероприятий, работе различных комиссий, союзных

и республиканских совещаний по вопросам промышленности, строительства, сельского хозяйства и т. д. Надо чаще совещаться и консультироваться с представителями различных отраслей знаний и прежде всего экономической науки, прислушиваться к их голосу, рекомендациям.

Надо решительно преодолевать пренебрежительное, нигилистическое отношение к экономической науке, ее выводам и рекомендациям. Это отношение проявляется в том, что практические предложения и рекомендации по важнейшим вопросам хозяйственного строительства не находят должной поддержки со стороны отдельных руководящих и хозяйственных работников. Они не хотят ломать старые, традиционные порядки, системы и тормозят внедрение в практику хозяйственного строительства ценных предложений ученых-экономистов. Правда, и сами экономисты не всегда доводят свои предложения до конца, не проявляют в этом должной настойчивости. Иногда их предложения бывают необоснованными, оторванными от жизни, от практики.

Многочисленные научно-исследовательские экономические институты и кафедры, проблемные лаборатории готовят докладные записки по тем или иным вопросам экономики, но они зачастую остаются не обсужденными в различных экономических органах страны и не находят практического применения. Надо повысить теоретический уровень и действенность этих докладных записок и настойчиво добиваться их осуществления.

Следует повысить научный уровень и действенность научных конференций, совещаний и симпозиумов. Принятые ими резолюции и рекомендации должны находить применение в практике хозяйственного строительства. Нам представляется необходимым поставить вопрос о создании института экономических советников (комитет экономических советников) или советов технико-экономической экспертизы при Советах Министров СССР и союзных республик, которые давали бы квалифицированные консультации и рекомендации при разработке крупных экономических мероприятий.

Все это будет способствовать усилению влияния экономической науки на хозяйственную политику, преодолению субъективизма и обеспечению научной обоснованности мероприятий, направленных на решение важнейших народнохозяйственных задач.

Х. Т. ТУРСУНОВ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глубокое изучение и освещение истории национально-освободительного движения народов Средней Азии имеет исключительно важное значение. Оно необходимо, прежде всего, для всестороннего анализа объективных исторических предпосылок победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«Социальная революция, — писал В. И. Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹.

В. И. Ленин учил, что для успеха самих национально-освободительных движений необходимо соединение их с рабочим революционным движением. Только под руководством пролетариата во главе с Коммунистической партией борьба угнетенных наций против империализма может привести их к полной победе.

Теоретические положения и выводы В. И. Ленина получили дальнейшее развитие в программных документах КПСС, в трудах руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

В Программе КПСС указывается, что партия большевиков соединила в один революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, национально-освободительные движения народов России и направила эти силы на свержение капитализма. В этой связи изучение истории национально-освободительного движения в Средней Азии дает ценнейший материал для характеристики развития освободительной борьбы народов бывших национальных окраин России под влиянием революционной борьбы русского рабочего класса в канун социалистической революции. Это изучение дает четкое представление об истоках и процессе укрепления связей между социалистическим движением русского пролетариата и национально-освободительным движением народов окраин, способствует освещению истоков нерушимой дружбы народов нашей страны, идеологии социалистического интернационализма.

Не следует забывать, что изучение освободительных движений имеет важное значение для воспитания советской молодежи на лучших революционных традициях героического прошлого народов нашей страны.

Изучение и обобщение исторического опыта национально-освободительных движений в дореволюционной России имеет большое политическое и практическое значение в нынешнюю эпоху бурных национально-

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 112.

освободительных антиимпериалистических революций, распада мировой колониальной системы. Исторический опыт освободительной борьбы народов России являет собой яркий пример для угнетенных народов Азии, Африки и Латинской Америки, борющихся за свою свободу и независимость. И именно поэтому воинствующие идеологи антикоммунизма, буржуазные фальсификаторы истории стремятся извратить, опорочить историю нашей Родины, историю национально-освободительного движения в России, в том числе в Средней Азии. Разоблачение буржуазных фальсификаторов истории, оказание помощи нашим зарубежным друзьям, борцам за свободу, демократию и социализм в изучении подлинной истории революционного движения наших народов — прямой долг советских историков.

Как известно, советские историки уже в довоенные годы добились положительных результатов в исследовании истории национально-освободительного движения в России и, в частности, в Средней Азии. Мы имеем в виду прежде всего труды С. Муравейского, Е. Федорова, А. В. Шестакова, Т. Рыскулова, З. Д. Кагельской, П. Галузо и других.

Однако отрицательные явления периода культа личности — догматизм, начетничество, нетерпимое отношение к творческой мысли, пренебрежение к историческим документам, замалчивание и даже искажения тех или иных фактов и событий пагубно отразились на исследовательской работе в исторической науке, в том числе в изучении национально-освободительных движений. Именно в те годы (особенно после выхода в свет статьи Багирова «О реакционной сущности движения горцев под водительством Шамиля») появились неправильные тенденции, искажающие историю национально-освободительных движений и в Средней Азии.

В те годы из тематических планов исследований и изданий почти совершенно исчезли вопросы истории национальных движений. Заброшено было изучение и обобщение архивных документов.

Многие национальные движения объявлялись реакционными, даже такое крупное национально-освободительное движение, как восстание 1916 г., было охарактеризовано некоторыми историками (Ю. Тарасов, Т. Колесникова и др.) как сплошь антинародное, инспирированное иностранной разведкой.

Разумеется, и в годы культа личности были трезвые выступления историков против догматических извращений истории национальных движений. Однако общая обстановка того периода не позволяла широко развернуть научную разработку проблемы.

Ошибочные положения о характере национальных движений в Средней Азии были допущены и в сводных трудах. Так, во второй книге I тома «Истории Узбекской ССР» многие национальные движения голословно характеризовались как реакционные, а некоторые из них не были упомянуты вообще.

В ряде статей и выступлений периода 1951—1953 гг. автором этих строк при оценке характера некоторых национальных движений были допущены поверхностные, неправильные высказывания, ошибочность которых была осознана нами лишь впоследствии.

Характер Андижанского восстания был обсужден на специальной дискуссии, проведенной в Академии наук УзССР в 1950 г. Андижанское восстание сравнивалось тогда с движением Шамиля, и оба они были объявлены реакционными.

Исторические решения XX—XXII съездов КПСС, решительная борьба партии по преодолению культа личности и его отрицательных

последствий создали благоприятные условия и для творческого развития советской исторической науки.

Появились новые труды П. Г. Галузо², А. Г. Зима³, П. А. Ковалева⁴ и других авторов, посвященные национально-освободительным движениям народов Средней Азии. Особое внимание уделялось истории восстания 1916 г. в Средней Азии. В 1960 г. был издан общесоюзный академический сборник документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Автор настоящей статьи, стремясь исправить свои прежние ошибки в оценке некоторых национальных движений, на основе дополнительного изучения документов и сбора воспоминаний написал книгу «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане», получившую одобрение научной общественности. Однако мы считаем исследование этой проблемы далеко не завершенным. Автор продолжает работу над дополнительным изучением ряда исторических событий и фактов, глубже раскрывающих национально-освободительный характер этого движения, которому в будущем, 1966 г. исполнится 50 лет.

Надо прямо сказать, что в целом исследование многих национальных движений с марксистско-ленинских позиций по-настоящему еще не развернуто. По-прежнему нет ясности в оценке Кокандского восстания 1873—1875 гг., восстания 1873—1876 гг., восстания 80-х годов в Ферганской долине, Андижанского восстания 1898 г., восстания в Бухаре 1910 г. и др. В исторической литературе продолжают бытовать противоречивые точки зрения, причем оценка прогрессивности или реакционности тех или иных национальных движений дается голословно, без должного научного анализа фактов и событий. Это вытекает прежде всего из недостаточной изученности архивных материалов.

У нас еще редко проводятся творческие дискуссии по проблеме истории национальных движений.

Чтобы наглядно показать, какая путаница допускается у нас в оценке национальных движений, приведем в качестве примера эволюцию во взглядах ряда историков на характер Кокандского восстания 1873—1876 гг.

В первом издании «Истории народов Узбекистана» (1947) Кокандское восстание 1873—1876 гг. было изложено под общим названием «Восстание Пулатхана». Этот раздел в объеме трех страниц (242—244 стр.) был составлен на основе материалов неизданной кандидатской диссертации Х. Ш. Иноятова, посвященной восстанию Пулатхана.

Восстание 1873—1876 гг. характеризуется здесь как национально-освободительное движение. Вместе с тем авторы подчеркивали противоречивые стороны восстания. В частности, отмечалось, что «по своему характеру движение это было очень сложно. Началось оно с восста-

² П. Г. Галузо, К ленинским оценкам предпосылок объединения национальных движений в России с революционной борьбой рабочего класса за социализм, в кн.: «Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции», М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 3—16.

³ А. Г. Зима, О характере восстания 1916 г. в Киргизии, Труды Института языка и литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, Фрунзе, 1954.

⁴ П. А. Ковалев, Восстание 1916 г. в Средней Азии и русская буржуазия, Труды САГУ, вып. 46, Гуманитарные науки, кн. 5, Ташкент, 1953; его же, Народные восстания и волнения в узбекских и таджикских районах Туркестана (в июле и августе 1916 г.), Труды САГУ, Новая серия, Исторические науки, кн. 11, Ташкент, 1956; его же, Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, Геоиздат УзССР, 1957; его же (в соавторстве с Х. Т. Турсуновым), Восстание 1916 г. в Узбекистане, в кн.: «История Узбекистана», т. 1, кн. вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.

ния трудовых масс кочевников киргизов против кокандских феодалов, вызванного налоговой политикой Худояр-хана. Как всякое крестьянское движение в условиях феодального строя, движение носило стихийный характер. Восставшие провозгласили ханом самозванца Исхак-муллу (Пулат-хана). Массовое движение было использовано феодалами, борющимися против ханской власти и придавшими ему обычные для феодальной эпохи черты мятежа вассалов против своего сюзерена. Когда же восстание превратилось в национально-освободительную войну против иноземных завоевателей, феодалы, испуганные размахом движения, отошли от него, нашли почву для соглашения с царизмом и предали народные массы»⁵.

Примерно в 1953 г. появилась уже другая точка зрения, которая была выражена в трудах К. Усенбаева. Он делит Кокандское восстание на две части — прогрессивную (восстание 1873—1874 гг.) и реакционную (восстание 1875—1876 гг.).

К. Усенбаев писал, что восстание 1873—1874 было народно-освободительным движением, направленным против феодально-колониального гнета со стороны Кокандского ханства. «Восстание 1873—1874 гг. явилось одним из крупных в истории киргизского народа XIX века. Оно охватило всю Южную Киргизию и выходило за ее пределы. В нем участвовали 132 500 кибиток киргизов»⁶.

Что же касается восстания 1875—1876 гг., то, как утверждает автор, оно было реакционным, феодально-монархическим выступлением, направленным на сохранение средневековой ханской власти.

Такая же оценка восстания дана в I томе «Истории Киргизии» (1956), где в 3-м параграфе VI главы говорится, что «восстание 1873—1874 гг. по существу явилось борьбой народных масс Южной Киргизии за освобождение от господства Кокандского ханства, которое подвергало их жесточайшему национальному и политическому гнету»⁷.

Здесь отмечается, что восставшие киргизы обращались с просьбой о присоединении Южной Киргизии к России, чтобы избавиться от тяжелого гнета кокандских ханов, но Кауфман отклонил это ходатайство⁸.

Восстание Пулатхана 1875—1876 гг. оценивается как клерикально-националистическое. «В июле 1875 года борьба против Коканда началась с новой силой. После присоединения к восстанию изменивших хану войск, правителей отдельных городов, а также крупнейших феодалов, беков, хакимов, датхи, военно-чиновничьей знати, мусульманского духовенства и других элементов, недовольных усилением влияния России в Кокандском ханстве, резко изменился социальный состав восставших и характер самого восстания. Во главе восстания встали Абдурахман Автобачи и другие феодалы. С этого момента восстание приобрело антирусский характер. Представители трудящихся, участвовавшие в нем в его начале, стали отходить от борьбы. По существу восстание превратилось в феодально-монархическое выступление, которое тянуло к укреплению патриархально-феодальных устоев и сохранению отсталой ханской власти в Коканде и ее господства над Киргизией. Участники этого выступления, борясь против России,

⁵ История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947, стр. 244.

⁶ К. Усенбаев, О характере восстания в Южной Киргизии в 1873—1876 гг., Тезисы доклада на научной конференции, посвященной вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв. 12—16 мая 1953 года, Киргизский филиал АН СССР, Фрунзе, 1953, стр. 3.

⁷ История Киргизии, т. I, Изд-во АН КирССР, Фрунзе, 1956, стр. 280.

⁸ Там же, стр. 281.

ориентировались на отсталые государства Востока, за спиной которых стояла капиталистическая Англия»⁹.

Почти аналогичная с этим оценка характера Кокандского восстания дана и во втором издании «Истории Узбекской ССР»¹⁰.

Итак, в последних изданиях «Истории Киргизии» и «Истории Узбекской ССР» высказываются идентичные взгляды, сущность которых сводится к следующему:

1. Восстание 1873—1874 гг. было национально-освободительным движением, направленным против произвола Худоярхана и узбекских феодалов. Участники этого восстания выступали за добровольное присоединение к России.

2. Восстание 1875—1876 гг. носило реакционный характер, поскольку участники его добивались сохранения ханского режима и феодально-патриархальных отношений.

Таким образом, здесь логически исключается всякая возможность видеть в Кокандском восстании антиколониальное выступление против царизма, с чем трудно согласиться.

За последние годы появилась новая оценка Кокандского восстания. Так, П. Г. Галузо считает восстание 1873—1875 гг. прогрессивным движением, направленным против агрессии царизма¹¹. Руководители восстания свергли Худоярхана за то, что он помог «белому царю» захватить Коканд. Поэтому П. Г. Галузо критикует некоторых историков, объявивших это восстание реакционным.

В критике П. Г. Галузо есть своя логика. Сопrotивление народов Средней Азии царским завоевателям было закономерным явлением. В ходе самого завоевания еще не выявились прогрессивные последствия присоединения края к России. Поэтому было бы неправильным говорить о том, что восстание 1873—1876 гг. было направлено «вообще против русских». Не следует перечеркивать антиколониальное сопротивление народов края, которое неизбежно порождалось самим вторжением царских войск.

На наш взгляд, Кокандское восстание в целом было несомненно национально-освободительным, народным движением, направленным как против царизма, так и против ига Худоярхана. Но в процессе восстания к нему примкнули феодально-клерикальные элементы, стремившиеся использовать народное движение в своих интересах.

Этот вопрос требует более тщательного изучения, с тем чтобы конкретно выяснить степень участия реакционных элементов в восстании и их влияния на ход движения в тот или иной период.

Все еще слабо изученным остается вопрос о движущих силах национальных движений, без выяснения которого невозможно определить и характер этих выступлений.

Национальный вопрос и, в частности, национальное движение, являются в то же время вопросами крестьянскими. Сущность и размах национально-освободительной борьбы можно понять лишь в тесной связи с исследованием состояния классовой борьбы внутри общества.

Народность того или иного движения определяется прежде всего его движущими силами, степенью участия народных масс и целями борьбы. Основными движущими силами обычно выступают крестьянство, ремесленники, городская беднота.

⁹ История Киргизии, т. I, стр. 283—284.

¹⁰ История Узбекской ССР, т. I, кн. вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1966, стр. 94.

¹¹ П. Г. Галузо, указ. статья, стр. 6.

Крестьянство, как правило, выступающее одной из главных социальных сил национально-освободительного движения, искало в этой борьбе выход из своего тяжелого положения. Однако господствовавшая внутри общества феодально-клерикальная верхушка стремилась отвлечь народные массы от внутренней классовой борьбы и направить их внимание лишь на внешнего врага. Известно также стремление феодально-клерикальных элементов придать этому движению религиозное направление (газават). Боясь перерастания антиколониальной борьбы в типичные антифеодальные крестьянские войны, феодально-клерикальные группы не раз пытались захватить в свои руки руководство стихийным дехканским движением и направить их в нужное им русло — на борьбу против «иноверцев». К тому же надо иметь в виду, что народные крестьянские движения не могли развернуться самостоятельно и в силу господства в Средней Азии патриархально-родовых или патриархально-феодальных форм быта и идеологии ислама, державших в повиновении народные массы.

История знает немало фактов, когда к народному восстанию примыкают те или иные попутчики, нередко из числа господствовавших классов, внося в движение своеобразие. Так было и с национальными народными крестьянскими движениями в Средней Азии.

В этой связи необходимо отличать главные, решающие, глубинные причины того или иного национального движения от побочных, второстепенных сил, понять своеобразие, пестроту противоречий в национальном и вообще крестьянском движении, различать прогрессивные процессы движения от теневых сторон.

Все эти противоречивые тенденции, участие или даже главенство в движении феодально-клерикальных элементов с их реакционными устремлениями, несомненно, ослабляли народное движение, сужали его размах и, в конечном итоге, являлись одной из основных причин поражения всего движения.

Поэтому, изучая национальные движения, следует анализировать прежде всего внутреннюю классовую борьбу и внешние взаимоотношения, выяснить противоречивые стороны движения, отличать главные, решающие тенденции движения от второстепенных, побочных.

Нередко отдельные национальные движения считаются реакционными лишь потому, что они приобретали форму газавата. Но это лишь поверхностное, механическое рассмотрение явлений. Главным образом на этом основании в свое время было объявлено реакционным, например, движение Шамиля на Кавказе, а в Средней Азии — восстание 1898 г.

В прошлом при оценке характера национальных движений нередко исходили из субъективных факторов. Если какой-либо феодал, ишан или хан в ходе движения объявлял газават, то все выступление считалось реакционным, несмотря на участие в нем десятков тысяч трудящихся. В итоге получалось какое-то внедрение «культы личности» того или иного представителя феодальной верхушки и недооценка роли народных масс.

Известно, что в период феодализма народные движения нередко выступали под религиозной оболочкой, за которой можно и нужно различать экономические интересы угнетенных классов, их борьбу против внешних и внутренних эксплуататоров. Ф. Энгельс в работе «К истории первоначального христианства» отмечает, что в странах Востока религиозные восстания имели свои особенности. «Все эти происходившие под религиозной оболочкой движения, — писал он, — вызывались экономическими причинами; но даже в случае победы, они

оставляют неприкосновенными прежние экономические условия. Таким образом, все остается по-старому, и столкновения становятся периодическими. Напротив, в народных восстаниях христианского Запада религиозная оболочка служит лишь знаменем и прикрытием для нападения на устаревающий экономический строй; последний в конце концов ниспровергается, его сменяет новый, мир развивается дальше»¹².

Нельзя забывать и известное указание В. И. Ленина о том, что «... выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличие революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению»¹³.

В связи с этим задача историка заключается в том, чтобы вскрыть эту внешнюю оболочку, отделить ее от классового содержания движения, разглядеть за религиозными чертами реальные требования социальной борьбы.

Надо сугубо критически относиться к выяснению степени иностранного влияния, внешней агентуры в тех или иных движениях. Не отрицая возможности засылки агентуры извне, не следует преувеличивать ее роль.

Известно, что в ряде статей об Андиганском восстании говорится об иностранном влиянии. В них утверждается, что это движение было вызвано главным образом интригами англо-турецкой агентуры.

Однако факты говорят, что главную причину восстания надо искать в тяжелых условиях жизни народных масс. Об этом свидетельствуют даже материалы заседаний царской Государственной думы.

15 декабря 1916 г. на чрезвычайной пятой сессии IV Государственной думы были обсуждены запросы депутатов в связи с восстанием 1916 г. в Средней Азии. Даже некоторые депутаты из числа крупных помещиков и промышленников вынуждены были признать общепризнанный характер восстания 1916 г. Одновременно они касались и вопросов, связанных с причинами Андиганского восстания 1898 г. В этом отношении характерна речь князя Мансырева, который, критикуя версии об иностранном вмешательстве в восстания 1898 г. и 1916 г., говорил:

«Взяточничество развито было до архивозможных пределов, и под всяким благовидным или неблагоприятным предлогом, натурой и деньгами, оно всюду и везде практиковалось как необходимое подспорье к получаемому содержанию и зачастую превышало его. Поборы производились по всякому поводу всякого административного исправления обязанностей. Наряду с этим, признаком хорошего административного тона считалось постоянное крайнее отчуждение от местного населения, выражение всяческого ему презрения и недоверия, взгляд на туземное население, как на низшую расу, не способную ни мыслить, ни чувствовать».

И далее: «Если вы в настоящее время, после печальных событий в Туркестанском крае, побеседуете с представителями местной администрации, то в громадном большинстве случаев вы найдете указания на распространяющиеся там немецкие интриги, на то, что есть известные агенты, тайные и полуявные, со стороны германизма, которые неустанно насаждают возмущение туземцев против России...»

...Постановка вопроса, идеология защитников этих интриг осталась совершенно одинаковой, и я лично могу свидетельствовать, что андиганское восстание сплошь было проявлено на точке зрения совер-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 468, примечание.

¹³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 228.

шенно недопустимого отношения местной администрации к незадолго до производившейся всеобщей переписи, причем проявлялись связанные с нею слухи и толки среди мусульманского населения, которых никто не постарался сколько-нибудь рассеять и опровергнуть; так и в настоящее время полная аналогия того же: безобразно проведенное высочайшее повеление, незакономерность его исполнения, совершенный произвол, при этом допущенный со стороны всех от мала до велика на административной лестнице, постоянные поборы... вот истинная причина теперешних событий, по моему глубокому убеждению»¹⁴.

Почти аналогичные признания прозвучали и в выступлениях графа Копниса¹⁵.

Среди историков имеются различные мнения и о роли национальной буржуазии в национальных движениях в Средней Азии. Некоторые исследователи, исходя из прогрессивной роли части современной национальной буржуазии в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, полагают, что национальная буржуазия Средней Азии, очевидно, играла прогрессивную роль. Этот вопрос требует тщательного изучения, причем следует избегать схематических аналогий и смешения различных эпох, а также учитывать, что слабая, малочисленная национальная буржуазия многих стран Африки в значительной мере находится еще в зависимости от иностранного капитала.

Весьма важно установить научную периодизацию истории национальных движений. На наш взгляд, здесь более или менее вырисовываются три основных (главных) этапа:

- 1) от присоединения Средней Азии к России до первой буржуазно-демократической революции в России (1865—1905 гг.);
- 2) от революции 1905—1907 гг. до Февральской революции 1917 г.;
- 3) период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март — октябрь 1917 г.).

На первом этапе национальные движения характеризовались сильной разрозненностью и разобщенностью, полным или почти полным отсутствием непосредственных связей с русским революционным рабочим движением. В движениях того времени (Кокандское восстание, движения, связанные с именами джетымханов, Андижанское восстание 1898 г. и др.) отмечалось значительное влияние феодально-клерикальных элементов; освободительные идеи и устремления народных масс в известной мере затушевывались и затемнялись религиозным фанатизмом, а сами движения нередко носили религиозную окраску.

Положение коренным образом изменяется с 1905 г., когда первая русская революция пробудила Азию и дала огромный толчок к развитию освободительного движения народов колониальных и зависимых стран во всем мире. По определению В. И. Ленина, «мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹⁶.

На этом втором этапе национально-освободительное движение в Средней Азии развивалось под благотворным влиянием первой русской революции, в связи с ростом всероссийского рабочего движения.

Всемирно-историческая роль революционного рабочего класса России в развертывании и укреплении фронта национально-освободитель-

¹⁴ ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив), ф. 400, Азиатская часть, д. 40, ч. 1, л. 83—85.

¹⁵ Там же, л. 86.

¹⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

ной, антиколониальной, антиимпериалистической борьбы угнетенных народов возрастала из года в год.

Третий этап истории национально-освободительного движения в Средней Азии характеризуется уже не только наличием непосредственных связей с революционной борьбой пролетариата России, но и слиянием национально-освободительной борьбы с социалистическим движением рабочего класса. Происходившие в этот период народные выступления отличались своей массовостью, большей организованностью, при неуклонном росте классового самосознания и политической зрелости трудящихся.

По мере развития революции усиливалась и классовая борьба трудящихся масс Средней Азии под руководством рабочего класса России во главе с большевистской партией. Происходит быстрое размежевание буржуазных и революционно-демократических сил. Об этом свидетельствуют, например, создание Советов мусульманских депутатов, общества «Иттифак», профессиональных союзов и других организаций трудящихся местных национальностей, выступавших против «шураи-исламистов» и поддерживавших ленинский лозунг «Вся власть Советам!».

Опыт революционной борьбы народов Средней Азии подтверждает, что национально-освободительное движение в конечном итоге закономерно и неизбежно органически сливается с социалистическим движением рабочего класса.

Сейчас созданы все благоприятные условия для более углубленного изучения истории национальных движений в тесной связи с рабочим социалистическим движением. С этой точки зрения, желательно пересмотреть и усилить тематику исследований по данной проблеме в Академии наук УзССР и вузах республики.

Только на основе тщательного, всестороннего изучения самих исторических фактов и событий следует делать выводы о характере тех или иных движений. Даже прогрессивное, народное национально-освободительное движение может иметь свои противоречия, теневые стороны, отдельные реакционные черты, связанные с участием в нем различных социальных групп. Но все это не может перечеркнуть освободительный характер движения.

Для правильного решения вопроса о характере национально-освободительных движений следует развернуть творческие научные дискуссии, как это было сделано в 1957 и последующих годах по движению Шамиля. На основе всестороннего обсуждения этого движения был сделан почти единодушный вывод о том, что оно представляло собой справедливую освободительную борьбу народов Дагестана против завоевательной политики царизма. Одновременно отмечались и слабые стороны, реакционные черты данного движения, обусловленные социальным составом и различными целями участвовавших в борьбе слоев населения. Явно реакционными признаны, например, система имамата Шамиля, распространение и внедрение мусульманского фанатизма. Вот почему, не соглашаясь с односторонним освещением в «Очерках истории Дагестана» (1957 г.) мюридизма Шамиля, А. Д. Даниялов пишет: «Было бы неправильно идеализировать борьбу горцев и не видеть в этом движении разных социальных потоков, не осуждать реакционной сущности мюридизма»¹⁷.

Даже при общем анализе ряда национальных движений в Средней Азии также обнаруживается, что в них участвовали разные социаль-

¹⁷ А. Д. Даниялов, Семилетка Дагестана и задачи интеллигенции, Махачкала, 1959, стр. 40.

ные слои с разными целями и мотивами, наложившими свой отпечаток на ход борьбы. Поэтому необходимо глубоко и всесторонне изучить историю этих движений, выяснить противоречивые явления и их причины. Историзм, как одно из важнейших положений марксистско-ленинской методологии, всегда должен быть нашим методом. Тогда даже самые сложные и противоречивые события найдут правильное освещение и объяснение в исторической литературе.

Необходимо развернуть систематическую борьбу против всевозможных измышлений буржуазных фальсификаторов, пытающихся извратить подлинную историю и сущность национально-освободительных движений.

Надо восстановить и продолжить давнюю традицию времен «Истпарта» и «Красного Архива» по выявлению и публикации важнейших архивных материалов и мемуаров по истории революционных, национально-освободительных движений.

Следует обратить внимание и на всестороннее правдивое освещение истории героической борьбы наших предков в музеях республики. Как известно, во многих музеях в период культа личности исчезли стенды о национальных движениях. К сожалению, они до сих пор не восстановлены либо представлены очень бледно. И это положение нужно поправить с помощью историков.

Глубокое изучение истории национальных движений может быть успешно осуществлено при координации его в республиканском масштабе, в Академии наук УзССР, и установлении тесного творческого контакта с учеными других братских республик.

В этой связи желательно было бы создать специальную группу при секторе новой истории Института истории и археологии АН УзССР, которая непосредственно занималась бы этим делом. Очень важно и создание научного Совета при Отделении общественных наук АН УзССР по изучению комплексной проблемы истории рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения в Узбекистане, с привлечением к его работе не только историков, но и философов, литературоведов и др.

Нет сомнения в том, что общими усилиями Академии наук, исторических кафедр вузов, при помощи ученых Москвы, Ленинграда и братских республик мы добьемся успехов в марксистско-ленинском изучении истории национальных движений в Средней Азии.

Х. Т. Турсунов

ЎРТА ОСИЁ ХАЛҚЛАРИНИНГ МИЛЛИЙ-ОЗОДЛИК ҲАРАКАТЛАРИ ТАРИХИНИ ЎРГАНИШ МАСАЛАСИГА ДОИР

Мақола муҳим проблема — Ўрта Осий халқларининг миллий-озодлик ҳаракатлари тарихини ўрганишга бағишланган. Мақола авторин, илгарилари бизнинг тарихий адабиётларимизда ҳар доим ҳам тўғри ёритилмаган бу масала мустаҳкам ҳужжатлар базасида чуқур, конкрет ва ҳар тарафлама ўрганишни талаб этишини таъкидлайди.

С. МАМАЖОНОВ

ТАЛАНТЛИ ШОИР ВА ДРАМАТУРГ

(С. Абдулланинг 60 ёшга тўлиши муносабати билан)

Шоир ва драматург С. Абдулла ўзбек совет адабиётининг кекса авлодига мансубдир. У Ф. Ғулум, Ойбек, Ҳ. Олимжон, Уйғун, А. Қаҳҳор каби сафдошлари қатори ўзбек совет адабиётининг ривожланишига ўзининг муносиб ҳиссасини қўша олди. С. Абдулла 35 йиллик баракали ижодий фаолияти давомида кўп қиррали қалам соҳиби сифатида халқнинг муҳаббатини қозонди.

С. Абдулла 1905 йилда шоирлар макони Қўқонда хизматчи оила-сида туғилди. Дастлаб у эски мактабда саводини чиқарди, Октябрь революциясидан кейин эса совет мактабда ўқиди, техникумда ва совет хизматчиларини тайёрлаш курсларида таълим олди. Шу даврда С. Абдулла Навоий, Низомий, Жомий, Муқимий, Фурқат ва Завқий асарларини мутолаа қилди, чуқур ўрганди ва ўзи ҳам шеър ёзишни машқ қила бошлади. С. Абдулла ўз устозлари йўлидан дадил қадам ташлаб, адабиётнинг турли-туман жанрларида ўз қаламини синаб кўрди. С. Абдуллани илк ижодий фаолиятининг ривожланишида, айниқса, Ҳ. Ҳ. Ниёзийнинг хизмати катта. Биринчи шеърининг 1925 йилда матбуотда эълон қилиниши, ёш қаламкаш учун унутилмас воқеа бўлди. Шундан кейин ёш шоирнинг номи матбуот соҳифаларида тез-тез кўзга ташланиб турди. Ёш қаламкашнинг «Янги Фарғона», «Ёш ленинчи» газеталари ва «Муштум» журналида адабий ходим бўлиб ишлаши, ижодий изланишлари шоир ижодининг равнақ топишида муҳим роль ўйнади.

С. Абдулла бирин-кетин «Эрк илҳомлари» (1931), «Кўклам наъраси» (1932), «Завқ» (1933) шеърый тўпламларини нашр қилдирди, қатор поэма ва хикоялари матбуотда эълон қилинди. Бир қанча драматик асарлари, комедиялари томошабинлар томонидан қизгин олқишга сазовор бўлди.

С. Абдулла номини халқ орасида кенг ёйилишининг боиси халқнинг севган жанри бўлмиш қўшиқ, ғазалчилик соҳасида ўзбек совет адабиётини унга тенглашадиган ижодкорнинг йўқлигидир. С. Абдулла 30-йиллардаёқ энг жўшқин, шўх ва революцион руҳдаги қўшиқлар автори сифатида танилган эди. «Оқ олтин товланар чўлларимизда», «Уйғон болам», «Ёшлигим, ёшлигим, менинг ҳур ёшлигим» каби қўшиқлари билан С. Абдулла халқ юрагини алангалатиб, унинг кучига куч, ҳавасига ҳавас қўшиб келди. С. Абдулла ўз қўшиқларига, ғазалларига классик поэзиямиздаги мусиқийлик, гўзаллик ва ихчамликни, халқ оғзаки ижодига хос ранго-ранг ритм, жўшқинлик, кўтаринкилик ва социализм мардона қадамининг кучли зарбини сингдира олди. «Айниқса арузда ёзмоқ шоирдан катта маҳорат талаб қилади,— деб таъкидлайди Ғафур Ғулум,— яна шуни аниқлаб олиш керакки, бизнинг шеърлардаги аруз араб арузи эмас, «арузи туркий»дир. Собир Муқимий, Фурқат-

ларнинг давомчиси сифатида арузнинг бутун назокатини, техникасини эгаллаб олган забардаст шоирдир»¹.

Собир Абдулла.

С. Абдулла поэзиясининг марказида халқларнинг она-Ватанга бўлган меҳрини мадҳ этиш, илғор совет кишисининг бахтини ардоқлаш, уни катта мақсадлар сари чорлаш туради. Унинг ушбу:

Эй, ҳур Ватаним, тоза тану жон ила севдим,
Жон ила таним, покиза виждон ила севдим,
Қўйди менга бахт дояси Собир лақабимни,
Қўйингда. униб-ўсдиму даврон ила севдим².

мисралари шоир шеърларининг лейтмотивини, қон томири ва йўналишини белгилайди. Шу вайдан С. Абдулла зарур бўлганда шўх, самимий қўшиқ тўқиб, халқнинг шодлигига жўр бўлади, зарур бўлганда муҳаббат ва шодлик созини душманга қарши қаратилган ўч ва алам қуролига айлантиради. С. Абдулланинг Улуғ Ватан уруши йилларда ёзган асарларида худди шу ҳол юз берди. Шоир қўшиқ, ашула ёзиш-

¹ Шарқ юлдузи, 1965, № 8, 148-бет.

² С. Абдулла, Танланган асарлар, Ўздабийнашр, Т., 1957, 22-бет.

дан воз кечмади, аксинча бу даврда қўшиқни кўпроқ ёзди. Энди шоир қўшиққа совет халқининг немис босқинчиларига қарши тўлиб тошган қаҳр-ғазабини, уларнинг мардлигини, хотин-қизларнинг жасорати ва садоқатини, ғалабага бўлган ишончини сингдирди. Чақириқ, ватанпарварлик, мурожаат, ўғит-насиҳат шоирнинг ҳар бир шеърда баланд эшитилди:

Мен фидо қилдим ўзимни шу тупроқ учун
Оила, қавму қариндош бирла ёр, ўртоқ учун.
Бу Ватан — кўнглимни асрай жон билан, виждон билан,
Кўкрагим айлай сипар, мен мўътабар қирғоқ учун
Бостириб кирмиш у ёвлар шайкаси ёки бало
Кўзгалай у бир балога минг бало элтмоқ учун³.

Кўришиб турибдики, С. Абдулла классик поэзиямизнинг газалчилик традициясини муваффақиятли давом эттириб, уни янги фазилат билан — жанговарлик, революцион руҳ билан суғорган.

Классик адабиётимиз традицияси С. Абдулланинг сатирасида ҳам ёрқин кўринди. С. Абдулла ўз қўшиқларида янгиликни, совет воқелигини, ленинча ҳақиқатни, социалистик Ватан ва совет кишисини қанчалик муҳаббат билан астойдил ҳимоя қилган бўлса, ўзининг сатирик шеърлари, сатирик ҳикоя ва комедияларида эса шу янгиликнинг эркин ўсишига тўсқинлик қилган эскилик ҳимоячиларини шафқатсиз фош қилди.

У ўз сатирик шеърларида Муқимийнинг ҳажвиётидаги услуб, приём ва жанрлардан, фольклордаги йўл-йўриқлардан ижодий фойдаланди.

С. Абдулла фақат поэзия соҳасидагина эмас, балки драматургия жанрида ҳам ўзидан аввалги санъаткорларнинг традицияларини давом эттирувчи ва бойитувчи бўлиб кўринди. У ўз устози Ҳамза раҳбарлигида драма жанрининг «сир» ларини эгаллади. «Отилмаган сопқон», «Бобон қизи» каби комедиялари бунинг ёрқин далилидир. Халқ ижодини юракдан севган ва чуқур ўрганган С. Абдулла 30-йилларнинг охирига келиб машҳур «Тоҳир ва Зухра» музыкали драмасини яратди.

Музыкали драма ўзбек халқининг энг сеvimли жанрларидан биридир. С. Абдулла ўзининг композитор дўстлари билан ҳамкорликда ижод қилиб, бу жанрнинг ўсишига беқиёс ҳиссасини қўшди. С. Абдулла «Тоҳир ва Зухра», «Алломиш» (буни Улуғ Ватан уруши даврида ёзган), «Муқимий» каби ўлмас асарлари билан музыкали драма яратишда устоз санъаткор даражасига кўтарилди.

С. Абдулла ўз драмаларини асосан шеърый йўл билан ёзди. Юқорида тилга олинган асарларнинг шеърый йўл билан ёзилиши улардаги қаҳрамонлик пафоси, севги романтикаси ва оптимизмнинг янада кучлироқ ифодаланишига олиб келган. С. Абдулла драмаларидаги фазилатлардан бири санъаткорнинг халқ эпосларидаги қаҳрамонларга хос жасоратли, кучли, гўзал, мукамал образларнинг яратилишидир. С. Абдулла «Тоҳир ва Зухра», «Алломиш» драмаларини халқ ижоди асосида яратар экан, уларни тубдан қайта ишлагани ҳолда улардаги қаҳрамонлик, жисмоний ва маънавий гўзаллик, чин дўстлик, тинчлик ва адолатпарварлик линияларини сақлаб қолиб, ҳақиқий халқчил асар ҳолатига келтирди. Шундай қилиб, С. Абдулла «Тоҳир ва Зухра»ни ўзбек халқининг муҳаббат ва садоқатини ғоят чуқур ва ўзига хос равишда ифодаловчи гимн қилиб яратди. Унинг бу асари кинога айлантирилиб, дунёнинг кўп халқларини ўзбек халқининг юксак фазилатлари ва жасоратидан хабардор қилди.

С. Абдулла драмаларига ҳаёт бахш этган асосий омиллардан энг биринчиси, уларнинг кескин конфликт, ҳатто фожиавий асосга қурили-

³ Ўзбек шеърояти антологияси, IV том, 1962, 312-бет.

шидир. Драматургнинг маҳорати ҳам шундаки, у юқори табақа билан оддий меҳнаткашлар ўртасидаги кескин тўқнашувни халқ ва шахсий манфаатлар тўқнашуви асосига қуради. Буни биз «Тоҳир ва Зуҳра»да ҳам, «Алпомиш»да ҳам, «Муқимий»да ҳам кўрамиз.

С. Абдулла «Муқимий» драмасида ҳам даврнинг социал зиддиятини теранлик билан очиб беради.

С. Абдулланинг Муқимий ҳаёти ва ижодига муносабати Ойбекнинг Навоийга бўлган муносабатини эслатади. Ойбек аввал улуғ Навоий меросини илмий ўрганиб, сўнгра у ҳақда поэма яратгани ва ниҳоят «Навоий» романини ижод қилганидек, С. Абдулла ҳам Муқимий ҳаёти ва ижоди устида узоқ илмий-ижодий иш олиб борди. С. Абдулла аввало Муқимий ижодидан катта баҳраманд бўлди, унинг йўқолган шеърларини қидириб топди. Ниҳоят «Муқимий» музыкали драмасини ёзди. С. Абдулла Муқимий яшаб ижод этган даврнинг кенг картинасини чизиш, ўша даврдаги Қўқон халқининг ижтимоий-иқтисодий-маданий аҳволини кўрсатиш, оддий меҳнаткашлар оmmasининг аччиқ тақдири, руҳий дунёси ва интилишларини ёритиш мақсадида «Мавлоно Муқимий» номли автобиографик асарни вужудга келтирди. С. Абдулла тарихий воқеалар, конкрет фактлар заминига қурилган ҳаётний лавҳалар асосида демократик шонримиз Муқимийнинг ҳаётидаги муҳим моментларни, унинг асарларини туғилишига сабаб бўлган мураккаб воқелик ва халқ аҳволини, шоир образларининг прототипларини ёритиб берди. «Мавлоно Муқимий» — илмий-бадний таҳлилнинг ўзаро узвий қўшиливидан ҳосил бўлган бадний асардир.

Халқимизнинг севимли ёзувчиси, серқирра ва маҳсулдор ижодкори С. Абдулланинг хизматини ҳукуматимиз ва партияимиз юқори баҳолади. Уни бир неча марта «Хўрмат белгиси» ордени ва медаллар билан мукофотлади. С. Абдуллага 1945 йилдаёқ «Ўзбекистонда хизмат кўрсатган санъат арбоби» деган, 1965 йилда эса унинг 60 ёшга тўлиши муносабати билан «Ўзбекистон ССР халқ шоири» деган фахрий унвон берилди.

С. Мамаджанов

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЭТ И ДРАМАТУРГ

(К 60-летию со дня рождения С. Абдуллы)

В данной статье, посвященной 60-летию со дня рождения Сабера Абдуллы, рассказывается о жизни и деятельности этого видного узбекского советского поэта и драматурга.

А. Д. ШАРИПОВ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПЕРЕПИСКИ МЕЖДУ БИРУНИ И ИБН СИНОЙ

Научная полемика между великими учеными и мыслителями Средней Азии Ибн Синой и Абу Рейханом Бируни давно привлекает пристальное внимание советских и зарубежных ученых. Особый интерес представляет она с философской точки зрения, ибо оба оппонента в острой полемической форме выражают в ней основные положения своего мировоззрения.

В библиотеке Института востоковедения АН УзССР имеется рукопись, которая содержит вопросы Бируни по двум книгам Аристотеля («Книга о небе» и «Физика») и ответы Ибн Сины¹. О дальнейшей судьбе переписки в нашей литературе каких-либо конкретных сведений не имеется, за исключением сообщения А. Насырова о том, что Бируни не удовлетворился ответами Ибн Сины и послал ему свои возражения². В свою очередь, данные А. Насырова, видимо, основывались на аналогичном сообщении авторов «Намэйе-Данешвэран»³.

В этой связи достойна самого пристального внимания книга известного иранского востоковеда Деххудо, посвященная Бируни⁴. В ней, помимо той части переписки, которая имеется в ташкентской рукописи, приводится ответное послание Бируни под названием «Возражения Бируни на ответы Ибн Сины». Мы, конечно, не разделяем многих теоретических положений автора издания, которые давно уже были подвергнуты критике советских ученых. Здесь нас интересует лишь продолжение переписки двух великих среднеазиатских ученых.

К сожалению, Деххудо не называет рукописи, которая послужила ему основой для перевода на персидский язык «возражений» Бируни. Однако, если судить по некоторым справочным изданиям, в Иране имеется рукопись под названием «Возражения на книгу Ибн Сины по доказательству истины»⁵, но, согласно Буало, эти возражения были написа-

¹ رسالة الشيخ ابن سينا الى ابي الريحان في جواب مسائل سألها
рп. ИВ АН УзССР, инв. № 2385.

² А. Насыров, Бируний тўғрисида бўлган манбаларнинг қисқача мазмуни, «Бируний ўрта асрнинг буюк олими», Ташкент, 1950, стр. 129.

³

نامه دانشوران، جلد دوم ۵۸۵—

⁴ شرح حال نابغه شهیر ایران ابو ریحان محمد بن احمد خوارزمی
بیرونی تالیفی دانشمند جلیل جناب آقای علی اکبر دهخدا، تهران، مهر
ماه، ۱۳۲۴

⁵ C. Brockelmann, „Geschichte der Arabischer Literatur“, Supplement Band, Leiden, 1937, S. 874.

ны не самим Бируни, а Саидом Ахмедом бин Али «от его имени»⁶. В Иране находится и другая рукопись, которую Броккельман и Буало помещают среди произведений Бируни и которую Буало считает «ответами Авиценне»⁷.

Во всяком случае, несомненно, что опубликованные Деххудо «Возражения Бируни на ответы Ибн Сины» написаны либо самим Бируни, либо при его непосредственном участии. В этом отношении показательно, что в возражении на ответ Ибн Сины по третьему вопросу Бируни относительно «Физики» Аристотеля автор называет ранее заданный вопрос «моим вопросом». Даже если эти возражения написаны не самим Бируни, а «от его имени», то все равно они имеют большое значение для выяснения воззрений Бируни, поскольку он сам отзывается о целой серии книг, написанных «от его имени», как о «пасынках», столь же близких ему, как его собственные книги⁸.

Что же касается самого персидского перевода, то добросовестность его не вызывает каких-либо сомнений, поскольку переводчик имеет большой опыт в области источниковедения и при сопоставлении его персидского перевода переписки с имеющейся у нас частью арабского оригинала особых расхождений не обнаружено.

Приведенные в книге Деххудо возражения Бируни позволяют уточнить его позиции по некоторым важным философским вопросам.

В мировоззрении Бируни, как это видно и на примере данного небольшого послания, несмотря на его общепедагогический характер, проявляется сильная струя стихийного материализма, обусловленного его естественно-научными изысканиями. Конечно, в исторических условиях своего времени он не мог дать материалистическое решение основного вопроса философии. Тем не менее влияние естественно-научных воззрений Бируни на его философские представления настолько велико, что его позиции по вопросу о происхождении мира фактически носят деистический характер. Это ярко видно в возражениях Бируни, в частности, на ответ Ибн Сины по второму вопросу относительно «Книги о небе» Аристотеля. Хотя Бируни не проявлял последовательности в своих деистических взглядах, все же сама по себе его склонность к деизму была по тому времени прогрессивной.

Для выяснения общих философских позиций Бируни большое значение имеет и тот факт, что, продолжая лучшие традиции греческой материалистической философии и таких мыслителей Средней Азии, как Абу Бекр Рази, Бируни в своих вопросах и возражениях на ответы Ибн Сины придерживается позиции атомизма. Его атомизм — это не атомизм мутакаллимов, понимавших под атомами некие духовные сущности. Он рассматривал атомы как материальные частицы, наделенные определенными качественными свойствами. Даже явления астрономического порядка, в частности состояние небесной сферы, Бируни стремился объяснить при помощи «сцепления частиц».

В своих «Возражениях» Бируни приводит новые доводы в пользу атомистического учения. И характерно, что при этом он опирается на высказывания Рази (см. возражение на ответ по четвертому вопросу относительно «Книги о небе»). Хотя Бируни вынужден был отрешиться от Рази, материалистические идеи которого в то время были офи-

⁶ L'oeuvre d'al-Beruni: Essai bibliographique par D. J. Boilot, „Melanges d'Institut Dominicain d'etudes Orientales du Caire“, vol. 2, Cairo, 1955, p. 238.

⁷ Там же.

⁸ Epître de Bērūnī contenant le repertoire des ouvrages de Muhammad b. Zakārīya ar-Rāzī, publiée par Paul Kraus, Paris, 1936, p. 43.

циально осуждены и объявлены еретическими, их взгляды были во многом созвучны.

Возражая Ибн Сине, Бируни выдвигает два аргумента в пользу атомизма. С одной стороны, он опирается на свои наблюдения явлений природы, многочисленные эксперименты и опыты, а с другой, — развивает математические доказательства в пользу атомизма. Однако в атомистической позиции Бируни замечательно то, что атомизм — в том виде, в каком он выступал в те времена, — Бируни вовсе не считал решающим все проблемы строения вещества. И здесь проявляется поистине удивительная прозорливость ученого⁹.

В своих «Возражениях» Бируни продолжает решительно выступать против слабых сторон аристотелевской натурфилософии. Он показывает несостоятельность их как с философской, так и с естественно-научной точки зрения. Так, Бируни и здесь подвергает критике аристотелевское понимание «естественного места», но делает это уже по-новому и весьма остроумно. С одной стороны, он привлекает математические аргументы, а с другой, показывает несостоятельность некоторых выводов, вытекающих из аристотелевского учения о «естественном месте» (см. возражение Бируни на ответ Ибн Сины по первому вопросу относительно «Книги о небе» Аристотеля).

Возражения Бируни Ибн Сине знаменательны и тем, что в них он гораздо более определенно говорит о характере взаимодействий между землей и телами. Постановка этого вопроса имела большое принципиальное значение и потому, что в научном обиходе того времени бытовала в том или ином виде аристотелевская идея о «естественном месте», против которой и выступил Бируни. По мысли ученого, нельзя подразделять элементы, как это делал Аристотель, на легкие, т. е. стремящиеся вверх, и тяжелые, т. е. стремящиеся вниз, к земле. Если в своих вопросах Бируни еще не высказывал своей точки зрения по этому вопросу (о ней можно было только догадываться), то здесь он со всей ясностью говорит, что все элементы стремятся к земле (см. возражение на ответ Ибн Сины по второму вопросу относительно «Физики»).

Венцом философских изысканий Бируни в полемике с Ибн Синой, безусловно, явились его высказывания, которые логически приводили к идее о множественности миров. Вспомним, что в своих ответах Ибн Сина обвиняет Бируни в том, что он следует идее, осуждавшейся в аристотелевской философии, — идее множественности миров. Ибн Сина писал Бируни: «Знай же, что если следовать методу, которым воспользовались в этом вопросе, то это безусловно ведет к [признанию] бесконечности числа миров, уничтожает возможность познания чего бы то ни было и служит лишь утверждению того, что измышляют софисты. А этих следует лечить иными средствами»¹⁰.

В своем возражении Бируни признает обвинение Ибн Сины в «софизме» такого рода (см. возражение на ответ по первому вопросу относительно «Книги о небе»). Правда, Бируни пытается как-то завуалировать эту идею, яростно преследовавшуюся тогда духовенством. Тем не менее высказанные им мысли были необычайно смелыми для того времени. (Вспомним, что в средневековой Европе только Джордано Бруно осмелился открыто проповедовать идею о множественности миров). Бируни фактически исходит из того, что какова бы ни была

⁹ Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 140.

¹⁰ См. «Материалы»..., стр. 147.

природа элементов других миров, они все же являются материальными, ибо должны быть воспринимаемы чувствами. (При этом Бируни считал, что комплекс чувств не исчерпывается теми чувствами, которые у нас имеются).

Взгляды Бируни были противоположны воззрениям средневековых схоластов. Поэтому он резко выступал против тех бесплодных рассуждений Аристотеля, которые были взяты на вооружение средневековой схоластики. А таких абстрактных умозрительных положений в натур-философии Аристотеля было немало. Например, Бируни с сарказмом обрушивается на его рассуждения о том, что правая сторона живых существ является тем местом, откуда начинается движение.

Бируни остро критиковал и многие другие представления Аристотеля, которых придерживался и Ибн Сина, но которые не соответствовали данным опыта и наблюдений. Яркой иллюстрацией этому могут служить возражения Бируни на ответы Ибн Сины по третьему и девятому вопросам относительно «Книги о небе» и четвертому, пятому и другим вопросам относительно «Физики».

Подлинное величие Бируни раскрывается здесь в том, что, будучи приверженцем опытного знания, достигнув вершины опытных наук своего времени, он стремился широко использовать наблюдения и эксперименты для решения широких мировоззренческих вопросов. Поэтому его воззрения часто вступали в противоречие с религиозно-схоластическими представлениями о мире. Его опытный метод был в корне противоположен средневековому схоластическому методу.

Для доказательства тех или иных положений Бируни широко прибегал к ссылкам на свои опыты и эксперименты. Так он поступает, например, в своих возражениях на ответы Ибн Сины относительно его вопросов по книге «Физика». Здесь Бируни выступает как замечательный мастер эксперимента и очень тонкий наблюдатель. «Это противоречит действительности» — таков его высший аргумент при опровержении тех или иных ложных представлений.

В заключение следует подчеркнуть, что если мы говорим здесь о некоторых слабых сторонах воззрений Ибн Сины, то это вовсе не означает, что в их переписке выявились лишь слабые стороны взглядов последнего. Более того, во многих ответах Ибн Сины проявляются присущие ему глубина мышления и смелость догадок. Но, во-первых, об этом уже говорилось в нашей литературе, а во-вторых, в своих возражениях Бируни, естественно, отмечает лишь то, что он считает слабым в позиции своего оппонента, неверным и не соответствующим действительному положению вещей.

Учитывая тот огромный интерес, который вызывает научное наследие и мировоззрение Бируни, мы приводим ниже в качестве приложения переведенный нами из книги иранского ученого Деххудо полный текст возражений Бируни на ответы Ибн Сины по его вопросам относительно сочинений Аристотеля «Книга о небе» и «Физика».

«ВОЗРАЖЕНИЯ БИРУНИ НА ОТВЕТЫ ИБН СИНЫ ПО ЕГО ДЕСЯТИ ВОПРОСАМ ОТНОСИТЕЛЬНО «КНИГИ О НЕБЕ» АРИСТОТЕЛЯ

Возражение Абу Рейхана на ответ Шейха по его первому вопросу

Пребывание любого из элементов на своем естественном месте не является несомненным для того, чтобы естественное место тяжелого, т. е. нижняя сторона, было центром, а естественное место легкого — верхом, т. е. сферой. Однако центр не есть нечто большее, чем точка, поэтому какой бы малой мы ни представляли себе частицу земли, она не может поместиться в центре, но эта частица земли с [любой] из сторон и направлений центра стремится к центру. Что касается сферы, то она тоже не может

вместить в себя какого-бы то ни было тела для того, чтобы к ней поднимались легкие тела, ибо плоская (т. е. составленная поверхностью) сфера является мнимой. К тому же, если освободим воду и устраним из-под нее препятствие, то без сомнения она достигнет центра, и утверждение, что естественное место воды находится над землей, не будет обоснованным. Следовательно, ни для каких тел нет особого естественного места. Эти послышки не опровергают утверждение того, что говорит, что небесная сфера является тяжелой, но что сцепление ее (частиц.— А. Ш.) препятствует ее падению.

Возражение Абу Рейхана на второй ответ Шейха

Никким образом нельзя Яхья¹¹ делать причастным к обману и если кто является заслуживающим [обвинения] в причастности к этому, то это, возможно, сам Аристотель, который свои еретические мысли приукрашивает ложными убранствами и обманом. Я полагаю, что ты не просматривал книгу Яхья по опровержению слов Прокла относительно вечности мира, а также не осведомлен о его книге, посвященной уничтожению и упразднению ложных приукрашений Аристотеля, и не читал его комментариев к книгам Аристотеля. По этой причине я возражаю против утверждения Аристотеля, поскольку считаю движения и времена ограниченными с точки зрения начала. Да и Аристотель там, где считал невозможным неограниченное бытие, сам признавал это, хотя тут же, подчинившись самолюбию, он ищет [возможности] отказа от своих же первоначальных слов. То, что ты говоришь, что из слов Аристотеля, который считает, что у мира нет начала, следует отрицание деятеля и творца, то это бесплодные слова, поскольку если не предположить неких начальных действий, то не будет мыслиться и какой-либо деятель. Если учение Аристотеля состоит в том, что у мира есть творящая причина, но что нет какого-либо начала во времени, то почему он стремился следовать упоминаниям [прошлых] поколений и их свидетельствам и говорит, что изменение свойства не есть причина изменения сущности.

Возражение на ответ по третьему вопросу

Каждая из границ тела, будучи соотнесенной с центром, является нижней центральной границей, а противоположная ей — верхом. Однако, если не сделаем подобного сопоставления, никакое из измерений не может с большим правом, чем два других измерения, [претендовать] на название длины, т. е. каким бы именем мы ни назвали какую-либо протяженность, другая также может существовать под тем же самым именем. Так же, если какое-либо тело совершает прямолинейное движение, то нижняя сторона того тела вместо центра постоянно изменяется. Ты говоришь о том, что местом начала движения живого [существа] является его правая сторона, но это утверждение является противоречащим действительности, поскольку то, что я наблюдаю у себя, мое движение является движением сзади по направлению вперед, разве только за это ты исключишь меня из числа живых существ.

Никто также не отрицает, что у шара имеются длина, ширина и глубина. Любым из неограниченных (по количеству.— А. Ш.) радиусов достоин того, чтобы иметь то или иное из этих трех названий. Однако, в том случае, когда трем определенным радиусам присвоены эти три названия, то для других радиусов уже не остается имен. Следовательно, либо необходимо говорить о неограниченном [количестве] сторон, либо устранить неограниченное [количество] радиусов.

Возражение на ответ по четвертому вопросу

Этот ответ Абу Али заимствовал у Мухаммеда бин Закарии ар-Рази, и если Мухаммед бин Закария «берет на себя слишком многое», то почему он (Ибн Сина — А. Ш.) безоговорочно следует за ним. Мухаммед бин Закария говорит: «Если для каждой из этих вещей (т. е. частиц тела.— Деххудо) имеется две стороны и одна середина, то деление безгранично, а это невозможно». То же, что ты утверждаешь на практике, я не могу признать на самом деле, ибо сколь мелко ни растирай сурьму, все же она не достигнет той частицы, о которой ты говоришь, поскольку действительное деление еще до того, как достигнет той частицы, о которой ты говоришь, прекращается и, во всяком случае, каково бы ни было оно потенциально, остается на той же стадии. Из твоих слов также необходимо следует, что сторона квадрата равна его диагонали. Если ты это признаешь, то отрицаешь очевидное, но если ты приведешь опровержение, то придешь в противоречие со своим принципом и оно по своей сущ-

¹¹ Т. е. Иоанн Грамматик.

ности будет противоречивым и приукрашенным, либо то, что ты утверждаешь, состоит в том, что между частицами имеются промежутки, но в этом случае я ставлю вопрос, являются ли эти промежутки большими, чем неделимые частицы, или меньшими, чем они.

Возражение на ответ по пятому вопросу

Либо я не могу понять этих слов, либо эти рассуждения являются неудовлетворяющими, либо высказывающий эти суждения верит в то, что тот, кто смог создать миры помимо этого мира, например, две земли, два огня, не может создать для каждого [из них] отдельные и отличные верх и низ. Если эта мысль по нему (Аристотелю.—А. Ш.) не является бесспорной, то я тоже не считаю несомненным то, что движения из центра по направлению к сфере являются движениями согласованными и относящимися к одному роду (в этом месте имеется следующее выражение *قلت بقول*

و قلت بقول *المصريين* смысл которого непонятен.—*Деххудо*). Ты говоришь в конце своего ответа о том, что высказывающие это суждение являются софистами. Если название „софисты“ дается им по этой причине, то я также не отказываюсь от принятия этого имени, поскольку не считаю несомненным, что каких-либо чувств, помимо тех, которые мы имеем, не может быть и что по этой причине ничего другого, кроме воспринимаемого этими наличными чувствами, не существует.

На ответ по шестому вопросу возражения не последовало, поскольку Шейх признал его возражение.

Возражение на ответ по седьмому вопросу

То, что ты утверждаешь о том, что восточная сторона является правой стороной небесной сферы, лишено основания, так как вся сфера целиком является правой стороной и вся она целиком [в то же время] является — левой, поэтому Восток каждого места является Западом другого места, а одна и та же вещь в одном и том же состоянии не может быть названа двумя противоположными именами.

Абу Рейхан не послал возражения на ответ по его восьмому вопросу.

В возражении на ответ на девятый вопрос он говорит: ты говоришь о том, что теплота возникает в телах от отражения, которое происходит в телах лучей? Что является доказательством этого? Какая может быть аналогия в уподоблении отраженной теплоты теплоте зажигательных зеркал, поскольку в зеркалах место зажигания расположено дальше места отражения лучей? Если же ты действительно считаешь зажигание соотносенным с отражением лучей, то должен сопроводить картину чертежом, поскольку сказанное тобой без представления в виде чертежа не может быть понято. Тот, кто говорит, что луч есть тело, считает существование пустоты либо возможным, либо невозможным. Если он считает возможным, то в этом случае это еще не есть [утверждение] совместного нахождения двух тел в одном и том же месте, поскольку в пустоте, кроме лучей, нет какого-либо другого тела. Если же он признает пустоту невозможной, то также допустимо считать свет телом, которое способно к смешению с воздухом, подобно воде и земле, ибо приверженец такого убеждения не мог бы отрицать телесный характер воды. Ты говоришь, что свет есть некий цвет, а воздух и прозрачные тела способны воспринимать его, я же не придерживаюсь этого убеждения. Таким образом, я считаю, что свет в непрозрачном теле есть нечто зримое, а в прозрачном теле он не является видимым. Свет, который падает через отверстия и является видимым, суть свет, который падал в воздухе, поскольку если воздух чистый, то совершенно не будет возможной видимость света, а между воздухом и не воздухом разницы нет.

Возражение на ответ по десятому вопросу

Тот, кто считает, что превращение состоит из рассеивания частиц чего-либо в частицы нечто другого, еще не утверждает в случае нагревания, что тело в этом случае становится требующим большего места, но говорит, что частицы огня через отверстия и поры тела оказываются внутри другого тела. По этой причине в нем происходит увеличение [количества] огненных частиц, а при соединении двух тел их общий объем становится большим подобно тому, как если нагревают флягу посредством огня, то частицы огня, проникая внутрь ее, вызывают ее удлинение и разбивают [ее]. Доказательством этого положения является то, что мы наблюдаем, как каждый раз вода (при нагревании.—А. Ш.) теряет форму воды и принимает воздушную форму, а во время конденсации и слияния снова сбрасывает воздушную форму и превращается в воду. Итак, если бы вода действительно становилась воздухом, то во время конденсации вторично она не превратилась бы в воду, а из остального воздуха, вероятнее всего, снова не образовалась бы водная сущность. Мы также считаем, что

тебе необходимо привести доказательство тому, что если тело из-за теплоты увеличилось в размерах, то в противовес ему другое тело в той же мере постепенно уменьшается с тем, чтобы место не оказалось лишенным того, что обладает местом, ибо, в противном случае, куда бы мог деваться тот излишек.

ВОЗРАЖЕНИЯ АБУ РЕЙХАНА НА ОТВЕТЫ ПО ЕГО ВОСЬМИ ВОПРОСАМ ШЕЙХУ (ОТНОСИТЕЛЬНО «ФИЗИКИ» АРИСТОТЕЛЯ)

1. Рассуждение относительно отражения луча от тел нуждается для своего понимания в представлении в виде чертежа, в обратном случае этот ответ не имеет какой-либо пользы, кроме утверждения сказанного посредством повторения.

2. Тот довод, что движение вещи в сторону какого-либо места необходимо предполагает достижение им этого места, не представляется правильным, ибо камень [например] по природе движется в сторону центра, но никогда не достигает его. И тот, кто утверждает, что все элементы имеют стремление к центру, но что те из них, которые являются более тяжелыми, опережают другие элементы, убежден, что движение огня вверх подобно движению воды в сосуде, имеющем два отверстия. Когда опустим в него камень через одно отверстие, вода поднимается вверх через другое отверстие, поскольку здесь нет ничего принуждающего или непринуждающего, что являлось бы по природе движущимся вверх и уносило бы с собой воду. Случай с огнем подобен случаю с водой в данном примере. Если окажешь справедливость, то сам последуешь мне и увидишь, что, кроме упреждения в сторону центра, здесь ничего нет.

3. Этот ответ не проясняет вопрос о сущности зрения и в действительности есть пересказ определения и описания зрения со слов Аристотеля и [даже] не комментарий его. В таких случаях не следует удовлетворяться одним комментарием и описанием (Аристотеля, — *А. Ш.*), но необходимо обратиться к различным толкованиям и высказываниям с тем, чтобы определяемое и описываемое как следует познавалось. С другой стороны, из этого ответа необходимо вытекает, что смотрящий не усматривает разницу между расстояниями и что-либо малое с близкого расстояния, а также что-либо большое с более далекого расстояния видит (расположенными. — *А. Ш.*) на одном и том же месте. В случае со звуками также крик осла на далеком расстоянии воспринимают подобным слабым звуку на более близком расстоянии, а звуки не различают один от другого. Если также прозрачное тело подвергается воздействию цвета, то следствием того явится то, что если поместим напротив любой точки кусочка хрустала какое-либо черное тело, то с какой бы стороны мы ни держали этот хрусталь, мы увидим его черным, между тем, как это с очевидностью не так. В заключении я напомню, что мой вопрос не был относительно недостаточной видимости вещей под водой, но вопрос состоял в следующем: каким образом происходит то, что мы воспринимаем в одно и то же время вещи под водой посредством проникновения зрения, а также вещи, расположенные против воды, посредством отражения лучей.

4. Это утверждение, что теплота [климата] является следствием продолжительного пребывания солнца на небе, глубоко ошибочно и явно недостаточно такого мудреца как ты, поскольку там, где солнце в течение длительного срока пребывает на небе (т. е. на полюсе. — *Деххудо*), там же оно в течение долгого срока скрыто, а незаселенность этих мест имеет своей причиной холод, а не жар. Теплота (климата. — *А. Ш.*) обнаруживается только под тем небесным кругом, где время восхода солнца и захода его равны (т. е. на экваторе. — *Деххудо*). Что же касается отражения лучей под прямым и тупым углами и того утверждения, что этот факт является причиной возникновения тепла и холода, то это не может быть понято без представления в виде рисунка и чертежа.

5. Если ширина нуждается в ширине, то почему мы не говорим, что плоскость также не имеет длины, поскольку длина ее также нуждается в длине и так до бесконечности. Это ничто иное как софистика, мы же ведем речь по существу, и словесный спор в этом неуместен.

6. Эта аргументация подкрепляет слова тех, кто доказывает возможность пустоты. Но если мы верим в отсутствие возможности пустоты, то когда посредством высасывания из колбы воздух становится рассеянным, а часть его оказывается вне объема колбы, становится внешним по отношению к нему, куда девается этот излишек, кроме того, как говорится, что в той же мере воздух охлаждается и сжимается таким образом, что его сжатие уравновешивается разряжением воздуха колбы. Притязание на опыт в этом вопросе относительно того, что если подуем в колбу, создается то же положение, что при высасывании, находится в противоречии с моим опытом, поскольку я наблюдал, как из моей бутылки, которая разбилась в водах Джейхуна, воздух со звуком выходил из бутылки, а вода вовсе не шла внутрь нее.

7. Если разбивание флакона происходит по направлению внутрь, то сказанное верно, однако очевидно, что факты находятся в противоречии с этим. Я наблюдал, что сосуд разбивается по направлению вовне и свидетельствует таким образом о том, что сосуд не имеет объема содержимого (т. е. меньше его по объему. — *А. Ш.*)».

А. Д. Шарипов**БЕРУНИЙ БИЛАН ИБН СИНО УРТАСИДАГИ ЕЗИШМАЛАРНИНГ
УНЧАЛИК МАЪЛУМ БУЛМАГАН САҲИФАЛАРИ**

Мақола Ўрта Осиёнинг буюк олими ва мутафаккири Абу Райхон Беруний билан Абу Али ибн Сино ўртасидаги илмий мунозарага бағишланган. Шу муносабат билан философиянинг баъзи муҳим масалалари бўйича Берунийнинг қарашлари характерлаб берилган. Автор илова сифатида эрон шарқшуноси Деххудо китобидан таржима қилган Ибн Синонинг Аристотель асарлари «Осмон ҳақида китоб» ва «Физика» юзасидан берган жавобларига Беруний эътирозларининг тўла текстини келтирган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОЙ ТОРГОВЛИ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1950—1958 ГОДАХ

Коммунистическая партия и Советское государство уделяют огромное внимание развитию советской торговли на селе, как важному условию удовлетворения растущих потребностей сельских труженников, повышения их материального благосостояния.

Большая работа в этом отношении была проделана в 1950—1958 гг. В эти годы был принят ряд важных постановлений партии и правительства, направленных на дальнейшее развертывание советской торговли, в том числе кооперативной и колхозной торговли на селе. Так, в октябре 1953 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР вынесли постановления «О мерах дальнейшего развития советской торговли», «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества»¹, «О расширении производства продовольственных товаров и улучшении их качества»². Аналогичные постановления были приняты в конце 1953 г. ЦК КПУз и Советом Министров Узбекской ССР. В них подчеркивалась, в частности, необходимость широкого развертывания продажи сельскому населению и колхозам товаров широкого потребления и строительных материалов, создания на селе предприятий бытового обслуживания населения, а также подготовки квалифицированных кадров для сельской кооперативной торговли.

Выполняя решения партии и правительства, местные партийные, советские и хозяйственные организации проделали большую работу по развитию торговли на селе.

Достаточно сказать, что с 1954 по 1957 г. сельскому населению Узбекистана было продано товаров в ценах соответствующих лет на 31 млрд. 581 млн. руб., или на 7,5 млрд. руб. больше, чем за предшествующие 4 года. Оборот розничной торгов-

ли, включая предприятия общественного питания, в сельской местности УзССР составил в 1950 г. 5117 млн. руб., а в 1958 г.—8903 млн. руб.⁴

В 1958 г. труженники села приобрели стандартных домов общей площадью 2738 м². Столько домов никогда раньше не продавалось в республике⁵.

В эти годы значительно увеличилось количество торговых точек в системе потребкооперации Узбекистана. Так, если в 1950 г. в кишлаках и селах республики функционировало 6551 торговая точка, то в 1957 г. их насчитывалось уже 9583⁶.

Важной организационной проблемой розничной торговли является специализация торговых предприятий и организаций. Она очень удобна для покупателя и способствует увеличению товарооборота. На 1 января 1958 г. в потребительской кооперации республики насчитывалось 890 специализированных магазинов, в том числе по продаже готовой одежды—21, обуви—30, тканей—23, культмагов—206, книжных магазинов—101, по продаже хозяйственных и строительных товаров—218, продовольственных—173, хлебных—30 и т. д.⁷

В улучшении обслуживания покупателей, экономии рабочей силы, снижении издержек обращения большую роль играет правильная организация торговли без продавцов и по образцовым товарам. Опыт магазинов, организовавших такую форму торговли, показывает, что при самообслуживании покупателей увеличивается оборот и сокращается время, необходимое на покупку, повышается культура торговли, резко возрастает производительность труда, сокращается число торговых работников, снижаются издержки обращения.

Метод торговли без продавцов был широко применен кооператорами Узбекиста-

⁴ Правда Востока, 16 марта 1958 г.

⁵ Правда Востока, 8 мая 1959 г.

⁶ М. Расулзев, Издержки обращения в розничной торговле потребкооперации УзССР, Ташкент, Госиздат УзССР, 1959, стр. 36.

⁷ Там же, стр. 130.

¹ О мерах дальнейшего развития советской торговли. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, М., Госполитиздат, 1953, стр. 5.

² Правда, 28 октября 1953 г.

³ Правда, 30 октября 1953 г.

на. В сентябре 1956 г. Орджоникидзевский райпотребсоюз Ташкентской области первым в Союзе открыл специализированный книжный магазин, работающий по принципу самообслуживания. Магазин оборудован в виде салона, в центре которого установлены островные двухсторонние прилавки-горки с открытой выкладкой книг. Кроме того, в магазине установлены пристенные книжные шкафы и пристенные щитовые витрины новинок, где книги также выложены открыто для выбора покупателей. Работают в магазине 2 человека — старший продавец-консультант (он же заведующий) и контролер. Покупатель имеет возможность совершенно свободно ознакомиться со всеми имеющимися в магазине книгами и выбрать себе книгу по вкусу. В результате перехода на работу по-новому товарооборот магазина увеличился почти в 2 раза⁸.

Немалых успехов добились кооператоры Заркентского селпо Янгикурганского района, организовавшие торговлю с самообслуживанием на хирманах и полевых станах во время хлопкоборочной кампании 1957 г. По методу самообслуживания работала и разъездная автолавка, в ассортименте которой, кроме парфюмерно-галантерейных и хозяйственных товаров, была обувь, готовая одежда, хлопчатобумажные и шелковые ткани, хлебобулочные и кондитерские изделия. В 1957 г. автолавкой было продано товаров в ценах соответствующих лет на 256 тыс. руб.⁹

Важнейшим участком деятельности потребительской кооперации является общественное питание. Развитие системы общественного питания приводит к сбережению для общества значительных трудовых и материальных ресурсов, улучшению бытовых условий семьи и положения женщин. Общественное питание выступает как один из факторов коммунистического переустройства быта.

В ноябре 1953 г. ЦК КПУз и Совет Министров Узбекской ССР поручили Министерству торговли УзССР и Узбекбляшу в течение 1954—1955 гг. увеличить оборот предприятий общественного питания примерно в 1,5 раза, в том числе по кухонной продукции в 2 раза, с одновременным улучшением качества приготавливаемой пищи.

Руководствуясь указанием ЦК КПУз и Совета Министров Узбекской ССР, местные партийные и советские организации значительно улучшили организацию общественного питания. С 1953 по 1958 г. оборот общественного питания в селах Узбекистана возрос на 66,1%; сельские столовые стали выпускать больше собственной продукции¹⁰. В 1958 г. годовой план общественного питания, по сравнению с

1957 г., увеличился на 14,3%. Значительно улучшилось обслуживание в столовых, чайных и чайханах, расширен ассортимент блюд, особенно национальных. Большую работу провели кооператоры по обеспечению колхозников и рабочих совхозов в период полевых работ горячим питанием непосредственно в поле. Только в период полевых работ 1958 г. было продано около 20 млн. горячих блюд¹¹.

ЦК Компартии Узбекистана поддержал инициативу отдельных предприятий потребительской кооперации, организовавших приготовление и доставку горячей пищи по дешевым ценам для продажи колхозникам и рабочим МТС непосредственно в колхозах, бригадах и полевых станах. Эти мероприятия позволили высвободить многих колхозников, занятых приготовлением горячего питания, для работы на полях¹².

Благодаря заботе партийных и хозяйственных организаций республики несколько улучшилась подготовка кадров торговых работников, повышение их квалификации. Если в 1953 г. в системе потребкооперации УзССР работники с высшим образованием составляли 0,5%, со средним — 10,4 и со специальным средним образованием 0,2%, то к началу 1957 г. работников с высшим образованием было 6%, со средним — 8 и со специальным средним образованием — 86¹³.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, в торговом обслуживании сельского населения Узбекистана имеется еще много недостатков. В кишлаках и особенно в районах новой застройки сеть торговых предприятий и общественного питания развита еще недостаточно. Торговые организации слабо изучают потребительский спрос, низка культура обслуживания и т. д. Не изжиты до конца позорные факты нарушения принципов советской торговли. Необходимо поднять ответственность руководителей торговых предприятий в работе с кадрами, закрыть доступ в магазины и на предприятия общественного питания жуликам и проходимцам. Нужно ликвидировать текущую кадров, расширить подготовку кадров со специальным образованием, постоянно повышать квалификацию работников торговли, вести среди них воспитательную работу.

Партия и правительство проявляют неустанную заботу о материальном обеспечении работников торговли. IV сессия Верховного Совета СССР (1964 г.) приняла закон, предусматривающий повышение заработной платы для значительного большинства работников торговли и общественного питания, которые приравниваются по уровню оплаты к рабочим пищевой про-

⁸ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 182, д. 94, л. 168—169.

⁹ Правда Востока, 16 мая 1958 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ Правда Востока, 8 мая 1958 г.

¹² Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 182, д. 94, л. 20—21.

¹³ М. Расулев, указ. соч., стр. 167.

мышленности. В расчете на год работникам торговли и общественного питания теперь дополнительно выплачивается около 550 млн. руб.

Важные решения, принятые IV сессией Верховного Совета СССР в области повы-

шения благосостояния советского народа, приведут к дальнейшему росту народного потребления. Это еще более повышает роль работников торговли и общественного питания, ставит перед ними новые ответственные задачи

С. Сабиров

К ИСТОРИИ ВЕРХОВНОГО СУДА УЗБЕКСКОЙ ССР

Судебная система в Советском Узбекистане, в том числе высший судебный орган республики — Верховный суд УзССР, — за годы своего существования прошли большой и сложный путь развития.

Сразу же после победы социалистической революции, на основе слома старого судебного аппарата, по инициативе революционных органов власти и самих трудящихся в Туркестане, как и по всей стране, стали создаваться новые, подлинно народные суды и революционные трибуналы, сыгравшие большую роль в защите завоеваний Октября.

Уже в начале ноября 1917 г. Ташкентским Советом была создана Следственная комиссия с судебными функциями, которая рассматривала дел лиц, совершивших тяжкие преступления. Однако как в центре страны, так и в Туркестане первые советские суды получили свое официальное оформление на основании ленинского Декрета о суде № 1, принятого Советом Народных комиссаров 22 ноября (5 декабря) 1917 г. и опубликованного в печати 24 ноября (7 декабря) 1917 г.¹ Наряду с организацией местных судов, в целях борьбы против контрреволюционных элементов были учреждены рабочие и крестьянские революционные трибуналы, состав которых избирался губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

30 ноября (13 декабря) 1917 г. приказом СНК Туркестанского края был организован Временный Народно-революционный суд, при котором был создан совет присяжных из 15 человек².

Выполняя решения II Всероссийского и III Красного съездов Советов, СНК Туркестанского края в соответствии с Декретом о суде № 1 издал 12 (25) декабря 1917 г. приказ о реорганизации суда³.

Новые судебные учреждения как в центре России, так и в Туркестане создавались в условиях ожесточенной классовой борьбы, яростного сопротивления врагов Советской власти.

7 декабря 1917 г. Совнарком Российской республики постановил создать специальный орган борьбы с контрреволюцией — Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию

при СНК. ВЧК, говорил В. И. Ленин, — «это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть»⁴. В 1918 г. органы ВЧК были созданы и в Узбекистане.

Учитывая местные условия и в связи с начавшейся гражданской войной и иностранной интервенцией, в Туркестане пришлось наряду с созданием советских судебных органов пойти на временное сохранение старых казийских и бийских судов с ограниченными правами и под особым надзором краевого Народного комиссариата юстиции. Эти суды существовали до 1928 г., когда они полностью изжили себя и были упразднены постановлением ЦИК и СНК УзССР 18 февраля 1928 г.⁵

Первая попытка организации руководства всеми судами и обеспечения единства судебной практики в стране была сделана в начале 1918 г. 7 марта 1918 г. ВЦИК и СНК РСФСР согласно Декрету о суде № 2 создали единый временный Верховный судебный контроль, который должен был осуществлять функции кассационного суда.

Первым высшим судебным органом в Советском Туркестане была Чрезвычайная следственная комиссия (ТЧСК), сформированная приказом ЦИК Туркестанской АССР 9 сентября 1918 г.⁶ ТЧСК должна была рассматривать кассационные жалобы и протесты, приносимые на решения областных и местных следственных комиссий.

Положение о Чрезвычайной комиссии Туркестанской республики, утвержденное приказом ЦИК ТАССР 14 сентября 1918 г., возлагало на нее организацию борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством, а также руководство местными следственными комиссиями и координирование их работы⁷.

Кроме ТЧСК, в качестве органа надзора функционировала также Коллегия Народного комиссариата юстиции. С октября 1918 г. она начинает действовать как самостоятельная судебно-надзорная ин-

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 327.

⁵ См. СУ УзССР, 1928, № 4, стр. 28, а также ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 38, л. 40.

⁶ Газ. «Советский Туркестан», 10 сентября 1918 г.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 7, л. 117.

¹ СУ РСФСР, 1917, № 4, ст. 50.

² ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 2, л. 9.

³ Туркестанские ведомости, 13 декабря 1917 г.

станция, отменявшая приговоры, передававшая дела на новое рассмотрение, а иногда и прекращавшая дела производством, хотя никаким нормативным актом не предусматривалось право НКЮ ТАССР пересматривать в порядке надзора приговоры, вступившие в законную силу.

13 декабря 1918 г. ТуркЦИК издал Положение о создании окружных народных судов в областях ТАССР⁸. Окружному суду были подсудны дела о посягательствах на жизнь человека, дела о разбое, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции.

16 ноября 1918 г. был издан Декрет ТуркЦИКа, а 2 ноября 1919 г. утверждена Инструкция НКЮ ТАССР «Об организации и действии местных народных судов Туркеспублики и организации и действии окружных и народных судов Туркеспублики»⁹. Согласно этой инструкции, в ТАССР создавался Туркестанский кассационный суд, в обязанность которого входил надзор за судебной деятельностью в пределах Туркестанской республики. Он рассматривал также дела по первой инстанции, в том числе особо важные уголовные дела.

6 мая 1919 г. ТуркЦИК издал приказ о создании в ТАССР единого народного суда согласно «Положению о едином народном суде РСФСР»¹⁰. В этой связи был упразднен Туркестанский кассационный суд, а его функции возложены на областные Советы местных народных судов, состоявшие из двух отделов — мусульманского и русского. Таким образом, областные Советы местных народных судов стали единственными кассационными инстанциями для каждой области ТАССР.

При областных Советах народных судов учреждались президиумы, как органы надзора и контроля за деятельностью народных судов, действующих на территории данной области. Жалобы в кассационном порядке рассматривались комиссиями в составе пяти человек (два члена президиума и три народных судьи).

13 июня 1921 г. ТуркЦИК издал особое Положение о высшем судебном контроле, согласно которому НКЮ ТАССР имел право пересматривать судебные приговоры, вступившие в законную силу, в порядке контроля (надзора) и при наличии законных оснований для их отмены.

Обращает на себя внимание и Декрет ВЦИК от 27 июля 1922 г.¹¹, предусматривавший организацию судебного аппарата в Туркестанской республике. В декрете говорилось, что в целях организации судебного аппарата в ТАССР предоставляется право образовать при ТуркЦИКе Верховный трибунал в составе Пленума, судебной и кас-

сационной коллегии. В целях согласования судебной политики на территории Туркестана в состав Пленума Верховного трибунала включались представители Революционного трибунала Туркестанского фронта и железнодорожного трибунала Туркестанского округа путей сообщения. Приговоры трибуналов Туркестана подлежали обжалованию и приостановлению лишь Верховным трибуналом ВЦИК.

В результате судебной реформы 1922 г. в Туркестане, как по всей стране, был ликвидирован высший контроль. Надзор за судебной следственной работой осуществляли коллегия Народного комиссариата юстиции ТАССР и, частично, по особо важным делам — непосредственно ТуркЦИК. Такое положение сохранялось до создания Туркестанского отделения Верховного суда РСФСР, образованного декретом ВЦИК 11 апреля 1923 г. Оно состояло из Президиума и двух коллегий — кассационной и судебной по уголовным делам¹². Кассационные жалобы на решения облсудов по гражданским делам, в соответствии с циркуляром НКЮ ТАССР от 8 мая 1923 г.¹³, направлялись в гражданскую коллегия Верховного суда РСФСР.

Кассационная коллегия в качестве второй инстанции рассматривала только уголовные дела, рассмотренные областными судами, а судебная коллегия по уголовным делам рассматривала в качестве суда первой инстанции дела особой государственной важности. Туркестанскому отделению Верховного суда РСФСР были переданы функции Верховного трибунала при ТуркЦИКе и Высшего судебного контроля НКЮ ТАССР.

Президиум Туркестанского отделения Верховного суда, наряду с другими организационными вопросами, частично ведал функциями судебного управления в отношении областных судов; в отношении же народных судов эти функции были сохранены за Наркоматом юстиции ТАССР.

В связи с национально-государственным размежеванием республик Средней Азии и созданием Узбекской ССР 13 декабря 1924 г. Туркестанское отделение Верховного суда РСФСР было преобразовано в Верховный суд Узбекской ССР¹⁴. Этот высший судебный орган УзССР, объединяя все судебные органы республики в единую систему, осуществлял судебный контроль за деятельностью всех нижестоящих судов и военных трибуналов, функционировавших тогда на территории Узбекской ССР.

Верховный суд Узбекской ССР состоял из Президиума, кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам, дисцип-

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 3, л. 152 и след.

⁹ Там же, л. 189.

¹⁰ Известия ТуркЦИКа, 10 мая 1919 г.

¹¹ СУ РСФСР, 1922, № 47, ст. 599.

¹² СУ РСФСР, 1923, № 31, ст. 340.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 388, л. 13.

¹⁴ Там же, ф. Р-837, оп. 1, д. 47, л. 52.

липарной и военной коллегий; кроме того, он имел и пленарное заседание.

Верховный суд республики проделал значительную работу по укреплению революционной законности, единообразному применению законодательства всеми нижестоящими судами в охране государственной и личной собственности граждан.

Постановлением ЦИК УзССР с 1 июля 1926 г. на всей территории Узбекистана (в том числе и ТаджАССР) был введен в действие первый Уголовно-процессуальный кодекс УзССР¹⁵, соответствовавший Основам уголовного судопроизводства СССР и союзных республик, принятым 31 октября 1924 г. постановлением ЦИК СССР¹⁶. В соответствии с этим постановлением ЦИК Советов УзССР с 15 февраля 1927 г. ввел в действие «Положение о судоустройстве в Узбекской ССР»¹⁷.

27 октября 1928 г. в целях обеспечения единства судебных органов в республике ЦИК и СНК УзССР признали необходимым реорганизацию структуры НКЮ УзССР¹⁸. При НКЮ УзССР было утверждено два заместителя: один по линии прокуратуры — прокурор республики, ведавший всеми делами прокурорского надзора, второй — по линии судебных органов — председатель Верховного суда УзССР, с полномочиями непосредственного руководства работой судебных органов. Функция судебного управления по-прежнему оставалась в ведении самого Наркома юстиции УзССР.

В конце 1927 г. было упразднено Таджикское отделение Верховного суда Узбекской ССР и организован Главный суд Таджикской АССР. В Горно-Бадахшанской автономной области и вилайятах вводился институт уполномоченных Главсуда, которые были одновременно судами первой инстанции, назначаемыми Пленумом Главного суда¹⁹. К концу 1929 г., в связи с образованием Таджикской ССР и ее вхождением в состав СССР, в Таджикистане была создана самостоятельная судебная система во главе с Верховным судом Таджикской ССР²⁰.

Одновременно было принято Положение «О судоустройстве Узбекской ССР» в новой редакции²¹.

В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г.²², в составе Верховного суда УзССР была организована специальная судебная коллегия для рассмотрения дел о государственных преступ-

лениях как по первой инстанции, так и в кассационном порядке.

В этом же году в Верховном суде республики была создана судебная коллегия по делам водного транспорта, в компетенцию которой входило рассмотрение как по первой инстанции, так и в кассационном порядке уголовных дел, совершенных на водном транспорте. Позднее водно-транспортные (линейные) суды были отнесены к непосредственному подчинению Верховного суда СССР²³.

16 августа 1938 г. Верховный Совет СССР утвердил «Закон о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик», в соответствии с которым Верховный суд Узбекской ССР стал единственной судебной инстанцией республики, имевшей право пересмотра приговоров, решений и определений, вступивших в законную силу.

Вместе с тем в Верховном суде УзССР, как и других союзных республик, были упразднены Президиум и Пленум, хотя их деятельность имела огромное значение в деле исправления ошибок нижестоящих судов и даче руководящих разъяснений. Поэтому упразднение Президиума и Пленума Верховных судов союзных республик было неправильным. Как справедливо отмечалось в юридической литературе, «вся система судебного надзора была чрезмерно централизована. Это затрудняло пересмотр приговоров и решений, вступивших в законную силу. Характерно, что даже Верховные суды союзных республик лишались полноты власти в осуществлении судебного надзора»²⁴.

Верховный суд Узбекской ССР, как и других союзных республик, утратил также право дачи руководящих разъяснений и указаний судам по вопросам судебной практики.

С 1953 г. в системе и деятельности судебных органов СССР произошли глубокие изменения, обусловленные решительными мероприятиями партии по укреплению социалистической законности в стране. В целях усиления роли местных судебных органов в осуществлении судебного надзора 14 августа 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об образовании президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей»²⁵, на основании которого в Верховном суде УзССР был вновь организован Президиум с функциями надзорного рассмотрения дел.

Состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС обязал все партийные и советские

¹⁵ СУ УзССР, 1926, № 11—12, ст. 53.

¹⁶ СЗ СССР, 1924, № 24, ст. 206.

¹⁷ Собрание кодексов УзССР, Самарканд, Юриздат, 1928.

¹⁸ СУ УзССР, 1928, № 44, ст. 292.

¹⁹ ЦГА ТаджССР, ф. 33, оп. 1, д. 100, л. 15—29.

²⁰ СУ УзССР, 1929, № 50, ст. 445.

²¹ СУ УзССР, 1931, № 24, ст. 215.

²² СЗ СССР, 1934, № 36, ст. 284.

²³ СЗ СССР, 1936, № 18, ст. 150.

²⁴ С. В. Бородин, Т. Н. Добровольская, Верховный суд союзной республики, М., Госюриздат, 1960, стр. 50.

²⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, 1954, № 17.

органы, в том числе органы суда, бдительно стоять на страже советской законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, нарушения социалистического правопорядка и прочие вредные последствия культа личности.

В свете решений XX съезда КПСС о расширении прав союзных республик шестая сессия Верховного Совета СССР IV созыва в феврале 1957 г. отнесла к компетенции союзных республик законодательства об устройстве судов, принятие УК, УПК, ГК, ГПК и других кодексов²⁶. Большим событием в деятельности Верховного суда нашей страны явилось принятие 12 февраля 1957 г. специального Положения о Верховном суде СССР. Новое Положение более конкретизировало функции Верховного суда СССР и расширило функции Верховных судов союзных республик.

Согласно Положению, Верховный суд СССР является судом первой инстанции, рассматривающим уголовные и гражданские дела исключительной важности. Он функционирует также в качестве кассационной инстанции для военных трибуналов округов и флотов, служит органом судебного надзора для всех судов СССР.

Функции Верховного суда СССР нашли отражение в принятых 25 декабря 1958 г. «Основах законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик».

В марте 1959 г., вслед за упразднением Министерства юстиции СССР, было ликвидировано и Министерство юстиции УзССР, и его функции контроля за работой судов республики переданы Верховному суду

УзССР, что позволило сосредоточить управление судебными делами в республике в руках выборного органа.

Таким образом, принцип демократического централизма, на основе которого организован и действует Верховный суд республики, обеспечивает успешное сочетание участия широких масс в отправлении правосудия со строгой централизацией управления посредством усиления ответственности нижестоящих судебных органов перед вышестоящими.

В соответствии с Указом Верховного Совета Узбекской ССР от 21 июня 1959 г. были приняты и введены в действие с 1 января 1960 г. новые УК, УПК, Закон о судостроительстве УзССР, а в 1963 г. — ГК и ГПК УзССР, направленные на дальнейшее развитие демократических принципов в организации и деятельности судебных органов Узбекистана.

Согласно Закону о судостроительстве УзССР 1959 г., в Верховном суде республики восстановлен Пленум Суда, который дает руководящие разъяснения судам УзССР и КК АССР о применении республиканского законодательства и рассматривает дела по протестам на вступившие в законную силу решения, приговоры, определения и постановления всех судов республики.

Руководствуясь действующим законодательством, Верховный суд нашей республики всей своей деятельностью активно способствует укреплению социалистической законности и правосудия в УзССР.

К. П. Иркаходжаев

ИЗ ИСТОРИИ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ЖЕНЩИН УЗБЕКИСТАНА

Одной из актуальных проблем культурной революции в СССР явилась ликвидация массовой неграмотности взрослого населения страны. Начало массовому движению за грамотность было положено ленинским Декретом «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», утвержденным Советом Народных Комиссаров РСФСР 26 декабря 1919 г. «В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны, — говорилось в Декрете, — Совет Народных Комиссаров постановил: «Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию»¹.

Этот Декрет поднял борьбу за всеобщую грамотность до уровня важнейших полити-

ческих задач. В 1920 г. под непосредственным руководством В. И. Ленина была образована Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, а в 1923 г. создано массовое добровольное общество «Долой неграмотность» (ОДН).

На XI Всероссийском съезде Советов (январь 1924 г.) вопрос о ликвидации неграмотности стал предметом специального обсуждения. В резолюции, принятой по докладу А. В. Луначарского, съезд обратился ко всем органам Советской власти в центре и на местах, всем партийным, профсоюзным и кооперативным организациям, ко всей советской общественности с призывом «всеми силами содействовать борьбе с народной темнотой»².

В результате широкого размаха движения за ликвидацию неграмотности из года в год росло число обучающихся в школах ликбеза. Так, если в 1923 г. в целом по СССР обучалось грамоте 123,1 тыс. человек, то в

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 4.

¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг., вып. 2, М.—Л., изд. АПН, 1947, стр. 118.

² Известия, 30 января 1924 г.

1926 г. — 1615,9 тыс. человек, из них почти 90% — на селе³.

Первые успехи в преодолении массовой безграмотности были достигнуты и в национальных республиках. В частности, в Узбекистане в 1926 г. в школах ликбеза обучалось 26,3 тыс. человек, или в 10 с лишним раз больше, чем в 1923 г.⁴

Особая забота проявлялась о ликвидации неграмотности среди женщин, что имело важное значение для обеспечения их фактического равенства и вовлечения трудящихся женщин в хозяйственное, политическое и культурное строительство.

К 1 мая 1924 г. в Туркестане имелось 18 женских школ по ликвидации неграмотности, в которых обучалось до 500 женщин, причем в 13 школах обучались исключительно узбечки⁵.

Наиболее успешно была поставлена работа органов ликбеза в старгородской части Ташкента и в Маргеланском уезде Ферганской области.

Большое внимание ликвидации неграмотности среди женщин уделило II Всероссийское совещание работников среди женщин восточных народностей, проходившее в 1923 г. в Москве. В резолюции совещания указывалось, что «огромный процент неграмотных тружениц вызывает необходимость деятельного участия партии в борьбе с безграмотностью, как путем побуждения органов просвещения к усилению этой части их работы, так и путем вовлечения тружениц в школы»⁶.

I съезд КП(б)Уз (февраль 1925 г.) подчеркнул необходимость развития сети школ ликбеза для женщин⁷. Вопрос о ликвидации неграмотности среди женщин стоял и в центре внимания II съезда Компартии Узбекистана, указавшего, что «работа по ликвидации неграмотности в первую очередь должна охватить женские массы, организованные вокруг Женотдела (делегатки, члены Советов, комсомолки, члены женских клубов), не вводя при этом никаких ограничений в возрастном и количественном отношении»⁸.

А уже на III съезде КП(б)Уз (ноябрь 1927 г.) говорилось о ликвидации технической неграмотности женщин. Работа на производстве требовала от работницы специальных технических знаний и, следовательно, ускорила процесс обучения ее грамоте. С другой стороны, участвуя в

общественном труде работница-узбечка получала экономическую самостоятельность, становилась более свободной в осуществлении своих прав, предоставленных ей Советской властью, в том числе права на учебу и выбор профессии.

В Отдел работниц и дехканок ЦК Компартии Узбекистана поступало много заявлений и писем с просьбой открыть школы для женщин. В одном из майских номеров газета «Правда Востока», сообщила, что «первое требование женщин, сбросивших паранджу, — школа».

В 1927 г. только в Кокандском округе было создано 73 женских пункта ликвидации неграмотности, в Ходжентском — 10, Самаркандском — 25, Ташкентском — 6⁹. Всего в республике было дополнительно открыто 120 женских школ по ликвидации неграмотности.

В ноябре 1927 г. состоялся I съезд работниц и дехканок Узбекистана, на котором вновь говорилось о необходимости «открыть больше школ ликбеза, особенно в кишлаках, дать этим школам хорошо подготовленных учителей, предоставить школам хорошие помещения, снабдить необходимыми инвентарем и книжными пособиями»¹⁰.

С большим упорством и настойчивостью учились женщины-узбечки в школах ликбеза. Вот что писала, например, учительница одной из школ ликбеза Сырдарьинской области. «Удивляться приходится, только месяц занимаемся, а некоторые писать и читать уже научились. Сами они трогательно радуются каждому успеху... Нужно видеть, с каким торжеством каждая из них носит картонную папку с букварем и тетрадь под своей паранджой. О каждой вновь выученной букве они бегут рассказывать в женотдел, продемонстрировать свое умение тут же на глазах у всех, на трехлинейной своей тетради»¹¹.

В 1926/27 учебном году ликвидировали свою неграмотность 4605 женщины, в том числе 2338 узбечек¹².

Надо сказать, что мероприятия Советской власти по ликвидации неграмотности трудящихся, особенно женщин-узбечек, встречали ожесточенное сопротивление классовых врагов. На одном из заседаний комиссии по улучшению труда и быта женщин ЦИК Узбекистана отмечалось, что «кулаки, иппаны, духовенство, великодержавные шовинисты, местные националисты и бюрократы всеми силами сопротивляются проведению этих важнейших мероприятий»¹³.

³ Культурное строительство СССР, Статистический сборник, М.—Л., 1940, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 93.

⁵ За пять лет, сборник, М., 1925, стр. 74.

⁶ Известия ЦК РКП(б), 1923, № 5, стр. 80.

⁷ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1957, стр. 48.

⁸ Там же, стр. 116.

⁹ Правда Востока, 29 мая 1927 г.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 3031, л. 219.

¹¹ Коммунист, 1923, № 9, стр. 38.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 5884, л. 47.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 320.

Мусульманское духовенство утверждало, что посещение женщинами школ ликбеза — это большой грех, как и обучение девочек в школе. Муллы и ишаны прибегали к террористическим актам, организуя убийства тех женщин, которые брались за книгу. В противовес женским школам ликбеза служители культа создавали религиозные женские школы¹⁴. Только в сел. Бек-Буди Зарафшанской области работало 60 таких школ с 969 учащимися¹⁵.

На распространении грамоты среди женщин отрицательно сказывалось безразличное, а иногда и преступное отношение некоторых партийных и советских работников. Были случаи, когда отдельные члены партии не пускали своих жен и родственниц учиться. Так, на одной из партийных конференций в г. Каттакургане Самаркандской области выяснилось, что жены всех 143 членов партийной ячейки не допускались мужьями в ликпункты и не участвовали в общественной работе¹⁶.

Ликвидации безграмотности среди женщин мешали также недостаточные ассигнования по местному бюджету. Так, на 1928/29 учебный год на женское образование было ассигновано всего 409 162 руб., или 2,1% к общему бюджету Наркомпроса УзССР¹⁷. Вследствие этого в 1928/29 учебном году контрольная цифра ликвидации женской безграмотности была не выполнена, а процент охвата школами неграмотных женщин все еще оставался низким (4—5%)¹⁸.

Существенные недостатки в развитии женского образования были отмечены в докладе Наркомпроса УзССР «О состоянии женского образования и о перспективах его на 1929/30 учебный год»¹⁹.

В связи с этим Среднеазиатское совещание по народному образованию предложило «добиться решительного перелома в сторону максимального охвата женщин школами ликвидации безграмотности, расширяя сеть специальных женских школ ликбеза, широко используя индивидуальное-групповое обучение, культпоходы, общественность и т. д.»²⁰

Большую роль в ускорении ликвидации неграмотности среди женщин сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 17 мая 1929 г. «О работе по ликвидации неграмотности», в котором внимание местных партийных, советских и других организаций обращалось на «организацию сети отдельных школ для

женщин-националок, а также на подготовку кадров по ликвидации неграмотности, в частности, из женщин коренного населения»²¹.

Еще в 1919 г. в Ташкенте было открыто первое учебное заведение для женщин, называвшееся «Даруль-Мугаллимат», т. е. высший педагогический институт²². В 1922 г. он был переименован в «Билим-Юрти», т. е. «Дом просвещения». В 1923 г. в преподавание были введены такие предметы, как обществоведение, рисование, русский язык и клубные занятия. В том же году состоялся первый выпуск женщин-учительниц. Их было семь человек — Манзура Сабир-Кариева, Рабига Ходжаева и др.²³

Подготовка учительниц-узбечек школ ликбеза проходила и через специальные курсы и педагогические техникумы. В 1925 г. такие курсы были открыты в Самарканде и Ташкенте, а в Хиве — женский педтехникум²⁴. В апреле 1925 г. в Андижане были открыты педагогические курсы на 80 человек, среди которых было 20 девушек-узбечек. На курсах в Самарканде обучались 70 девушек из Бухары, Ферганы и Хорезма.

Большую помощь в работе по ликвидации неграмотности среди женщин оказывали студентки учебных заведений республики, выезжавшие на время летних и зимних каникул в различные районы и области УзССР. Например, студентка медтехникума Ахунбабаева во время летних каникул организовала в Узгенском районе школу ликбеза для женщин. Студентка женского института просвещения Алиходжаева, работая в Самаркандской области, обучила в школе ликбеза 30 узбечек²⁵.

В Андижанском уезде только за время летних каникул 1927 г. было проведено 14 собраний, на которых студентки выступали перед женщинами с лекциями, беседами и докладами, рассказывали о пользе грамоты. Уже после первых двух собраний было создано 4 женских ликпункта, которые посещали свыше 100 узбечек²⁶.

В ликвидации неграмотности среди женщин активное участие принимали комсомольские организации республики. Средазбюро ЦК ВЛКСМ неоднократно обсуждало вопрос о работе комсомола по ликвидации неграмотности среди женской молодежи.

²¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг., стр. 129.

²² За пять лет, Сборник, М., 1925, стр. 75.

²³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 10, д. 441, л. 130.

²⁴ Г. М. Билямов, Из истории культуры и просвещения в Хорезме, Ургенч, 1957, стр. 128.

²⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 1977, л. 30.

²⁶ Там же, д. 2288, л. 10.

¹⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 10, д. 138, л. 37.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 333, л. 29—30.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 24, д. 872а, л. 59.

¹⁸ Там же, д. 871а, л. 19.

¹⁹ Там же, д. 674, л. 4.

²⁰ Там же, л. 9.

Так, в постановлении Средазбюро ЦК ВЛКСМ «Об основных итогах и дальнейших задачах в работе комсомола по раскреплению женщин и о работе среди женской молодежи» подчеркивалось, что «школы ликбеза являются исключительно подходящим методом для широкой общественной работы среди женщин... краеугольным камнем культурной работы среди них»²⁷.

На I съезде трудящейся женской молодежи Узбекистана (ноябрь 1935 г.) перед комсомольскими организациями республики была поставлена задача «взять под свой непосредственный контроль и руководство организацию работы школ ликбеза для женской молодежи»²⁸.

Благодаря усилиям партийных, комсомольских и общественных организаций в

ликвидации неграмотности женщин Узбекистана были достигнуты большие успехи. Так, в 1923/24 учебном году в школах ликбеза обучалось 500 женщин, в 1928/29—10 695, а в 1936/37 учебном году—273 637 женщин. И если по данным переписи 1897 г., грамотность среди женщин Туркестана составляла 1,2%, а в 1926 г.—7,7%, то в 1939 г. грамотными были уже 73,3% женщин республики²⁹.

Ликвидация неграмотности среди женщин коренного населения явилась одним из замечательных результатов культурной революции, обеспечивших приобщение их к активному, сознательному участию в строительстве новой жизни.

Р. М. Мадрахимова

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА КАРАХАНИДОВ

(Опыт историко-нумизматического исследования)

Конец X в. в Средней Азии знаменуется ослаблением центральной власти в государстве Саманидов и последующим распадом этой империи, на обломках которой возникли государства Газневидов и Караханидов. В это время отдаленные провинции государства становятся фактически независимыми, в них возникают местные династии, которые после первых поражений Саманидов в борьбе с Караханидами переходят на сторону последних. Так например, в Илаке (долина Ангрена) уже в 382 (992—993) г. х., т. е. во время первого захвата Бухары Бограханом, провозгласила свою независимость местная династия дихкан.

Политическая история конца X—начала XI в. в дошедших до нас источниках освещена не всегда достаточно и потому данные нумизматики представляют большой интерес. Здесь мы попытаемся на основе исследования нумизматических материалов осветить некоторые моменты политической истории Илака в период между 382 и 467 (992—1075) гг. х. В 382 г. х., когда Караханид Харун б. Муса Бограхан I вторгся в пределы государства Саманидов и захватил Бухару, Илак стал независимым от Саманидов. Юридическим оформлением этого факта явился выпуск монеты, где основоположник местной династии Мансур б. Ахмед выступил как независимый от Саманидов правитель и вассал Бограхана.

Расположение легенд на монете из Эрмитажа не оставляет сомнений в том, что Бограхан был сюзереном Мансура б. Ахмеда, так как его полная титулатура и кунья помещена на реверсе монеты: в поле—*شهاب الدوله ابو موسى* и в

круговой легенде—*الامير الاجل شهاب الدوله ظهير الدعوه منصور بن احمد* а вокруг него—калима и имя *خان بوغرا* т. е. имена вассала и сюзерена¹.

Члены этой новой династии, начиная, по крайней мере, с 387 (997) г. х., именовали себя дихканами *دهقان الجليل*. В этом же году (а возможно и раньше) сюзереном правителей Илака становится другой Караханид—Ахмед б. Али (брат Насра б. Али, окончательного завоевавшего Бухару в 389/999 г.). Так, на монете Илака 387 г. х. в поле аверса имеется надпись *دهقان*

الجليل, а в круговой легенде реверса—имя и титул Ахмеда б. Али². Сын родоначальника династии дихкан Мансура б. Ахмеда Мухаммед б. Мансур в 395 (1004) г. х. чеканил в Илаке монету на правах вассала Ахмеда б. Али. И, наконец, в 399 (1008—1009) г. х. утвердившийся на престоле Илака третий представитель династии Абу Шоджа Салар б. Мухаммед также признал себя вассалом Ахмеда б. Али³.

Салар, очевидно, был последним представителем династии дихкан, ибо в 401 (1010—1011) г. х. в столице Илака—Тункете чеканил монету третий брат Насра б. Али,

²⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., Госстатиздат, 1962, стр. 41.

¹ А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 198, № 1.

² М. Е. Массон, Ахангеран, Ташкент, 1953, стр. 81.

³ Там же.

²⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 2288, л. 10.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 28, д. 758, л. 18.

рек. Тем самым Джагра Тегин признавал себя вассалом Кадырхана.

На двух монетах сохранилось наименование монетного двора (Тункет), а на одной — последняя цифра от даты — 8. Из всех дат здесь возможна лишь одна — 418 (1027—1028) г. х. Монеты биты при халифе ал-Кадыр биллахе, который умер в 422 г. х., так что дата 428 г. х. невозможна. С другой стороны, в 407—411 и 413 гг. х. (1016—1021 и 1022—1023) Джагра Тегин бил монету как вассал Арсланхана I. Так что 408 г. х. также исключается. К тому же в 408 г. х. положение Кадырхана не было таким, чтобы он мог претендовать на роль сюзерена Джагра Тегина.

Таким образом, Хусейн, б. Мансур избежал участи своих родственников и продолжал управлять Илаком по крайней мере до 418 г. х. Перемена в расстановке сил на политической арене Мавераннахра вынудила его признать себя вассалом Кадырхана. Возможно, что Джагра Тегин удерживал Илак до 423 (1031—1032) г. х., т. е. до смерти Кадырхана. Во всяком случае, в 424 г. х. Тункет уже был в руках сына Кадырхана — Мухаммеда б. Юсуфа¹¹, который известен в истории как Бограхан II.

Таким образом, анализ нумизматического материала позволяет нам прийти к выводу, что на протяжении, по крайней мере, 18 лет, с 382 по 399 г. х., долина Ангрена находилась в руках трех представителей местной династии дихкан: Мансура б. Ахмеда, Мухаммеда б. Мансура и Салара б. Мухаммеда. Все они признавали себя вассалами караханидских правителей — Харуна Бограхана I и Ахмеда б. Али. С 401 г. х. (а возможно, с 400 г. х.) долина Ангрена переходит непосредственно в руки Караханидов. Сначала (с 401 по 406 г. х.) Илаком владел Мухаммед б. Али, а затем (с 407 по 418, а

возможно — по 423 г. х.) — племянник Мухаммеда б. Али Арсланхана I — Джагра Тегин Хусейн б. Мансур. До 415 г. х. он владел Илаком как вассал Арсланхана I, а с 415 г. х. — как вассал Кадырхана Юсуфа.

В 409—411 и, очевидно, до 415 г. х. определенная часть долины Ангрена принадлежала другому племяннику Арсланхана I — Ибрахиму Бури Тегину, сыну Насра б. Али. После 415 г. х. Илак попадает в сферу влияния восточной ветви Караханидов и, наконец, не раньше 418 и не позже 424 г. х. непосредственно переходит в руки представителя восточной ветви Караханидов — Мухаммеда б. Юсуфа Бограхана II (423—449 гг. х.), столицей которого был Шаш. Бограхан II был отравлен в 449 г. х., после чего в государстве разгорелась междоусобная борьба претендентов на трон. А в результате в начале 50-х годов V в. х. Тункет и даже Шаш вновь перешли в руки западных Караханидов: между 450 и 460 (1058—1068) г. х. в Тункете и Шаше чеканил монету Шуайс б. Ибрахим, сын и вассал Ибрахима Тамгачхана¹². В 460 г. х., когда Ибрахим Тамгачхан, незадолго до смерти, отказался от престола в пользу другого своего сына, Шемс ал-Мульк Насра, Шуайс напал на своего соперника, но в результате сражений в Самарканде и Бухаре он был разгромлен¹³. После этого мы ничего не знаем о Шуайсе, а Илак вновь переходит к восточной династии. Между 460 и 467 (1068—1075) г. х. Тункетом владел Тогрул Тегин, сын и наследник Тогрул Карахана Юсуфа и внук Кадырхана I¹⁴.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении нумизматический материал позволяет нам выявить ряд новых интересных фактов из политической истории северных окраин государства Караханидов в XI в.

М. Н. Федоров

¹¹ А. К. Марков, указ. соч., стр. 252, № 383.

¹² Там же, стр. 267—268, № 460—463.

¹³ В. В. Бартольд, Сочинения, т. 1, М.—Л., 1963, стр. 377.

¹⁴ А. К. Марков, указ. соч., стр. 271, № 485—489.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О СОЮЗЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

Годы завершения строительства социализма и перехода к строительству коммунизма в нашей стране положили начало новому этапу в развитии союза рабочего класса и колхозного крестьянства. На этом этапе Коммунистическая партия выдвинула новые важнейшие задачи в области укрепления и развития всестороннего экономического, политического, культурного сотрудничества, дальнейшего сближения рабочего класса и колхозного крестьянства.

Как указывается в Программе КПСС, партия «исходит из того, что дальнейшее укрепление нерушимого союза рабочего класса и колхозного крестьянства имеет решающее политическое и социально-экономическое значение для строительства коммунизма в СССР»¹.

За последние годы, особенно после ХХ съезда КПСС, у нас появились отдельные монографии, брошюры, статьи, посвященные дальнейшему укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современном этапе. Эта исключительно важная и актуальная проблема все чаще становится объектом исследований историков, экономистов, философов, правоведов и других специалистов общественных наук нашей республики.

Большой интерес представляет освещение данного вопроса в правовом и юридическом аспектах, в частности в брошюрах канд. юр. наук М. Кариева². Автор уделяет большое внимание вопросу о политическом сотрудничестве между рабочим классом и колхозным крестьянством республики, особенно в годы завершения строительства социализма. Однако он не ставил своей задачей всестороннее освещение вопросов экономического сотрудничества и культурной помощи рабочего класса колхозному крестьянству.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 77.

² М. Кариев, Ишчи ва деҳқонлар иттифоқи — Совет давлатининг ҳаётини кучи, Ташкент, 1958; ево же, Ишчи ва деҳқонлар иттифоқи — Совет давлатининг асоси, Ташкент, 1960.

Вопросы союза рабочего класса и колхозного крестьянства отчасти освещены во втором томе «Истории Узбекской ССР» (1957). Надо надеяться, что в новом издании книги они получат более полное отражение.

Среди опубликованных за последнее время статей о союзе рабочих и крестьян в Узбекистане большая часть носит популярный характер. Наиболее интересной является статья О. С. Усова³, написанная в философском плане. Однако в ней в основном говорится о становлении и развитии союза рабочего класса и крестьянства в Узбекистане в годы Октябрьской революции и социалистического строительства и уделяется мало места периоду завершения строительства социализма.

В связи с 40-летием Узбекской ССР коллектив ученых Института философии и права Академии наук УзССР опубликовал сборник статей «Узбекистан по пути к коммунизму»⁴. Некоторые материалы сборника в той или иной мере касаются союза двух дружественных классов Узбекистана в годы завершения строительства социализма и перехода к строительству коммунизма. Так, в статьях А. М. Аминова, К. Н. Бедринцева, К. И. Лапина хорошо освещаются закономерности развития и сближения колхозно-кооперативной собственности с общественной, создания материально-технической базы коммунизма в Узбекистане и др.

В трудах Ю. И. Исхакова⁵, С. С. Саидалиева⁶, Г. Р. Ризаева⁷ затрагиваются вопро-

³ О. С. Усов, Некоторые диалектические закономерности проявления союза рабочего класса и крестьянства как решающих революционных и созидательных сил современного общества. Узбекский сельскохозяйственный институт, Научные труды, т. 12, Новая история, вып. I, кафедра общественных наук, Самарканд, 1959, стр. 13—35.

⁴ Узбекистан по пути к коммунизму, сборник статей, Ташкент, Изд-во «Наука», 1964.

⁵ Ю. И. Исхаков, Развитие хлопководства в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1960.

⁶ С. С. Саидалиев, Осуществление кооперативного плана Ленина в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1958.

сы укрепления союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период завершения строительства социализма. Авторы подробно освещают развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства в Узбекистане в период социализма, но недостаточно подчеркивают роль промышленности, рабочего класса в этом деле и не отмечают тот факт, что развитие социалистического хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, в свою очередь, способствовало укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства.

Монография Б. А. Тулепбаева «Компартия Узбекистана в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства»⁸ содержит немало материалов об экономическом и политическом сотрудничестве рабочих и крестьян в период победы социализма. Однако он не осветил шефскую помощь рабочего класса колхозному крестьянству и недостаточно показал роль промышленности в укреплении союза рабочих и крестьян. Книги Б. А. Тулепбаева «Перестройка работы сельских райкомов партии»⁹ и Б. И. Бугланова «Работа сельского райкома партии в новых условиях»¹⁰ посвящены вопросам укрепления политического сотрудничества между рабочим классом и колхозным крестьянством в годы завершения строительства социализма. В них показана роль партийного руководства в укреплении этого союза. Однако авторы не упоминают об экономическом сотрудничестве между рабочим классом и колхозным крестьянством.

За последнее время в научных трудах университетов и педагогических вузов республики опубликован ряд статей, посвященных развитию сельского хозяйства Узбекистана в годы завершения строительства социализма и развертывания коммунистического строительства. Среди них можно назвать статьи Т. Пака¹¹, Т. Л. Маслобой-

никова¹², И. Н. Волкова¹³, А. Чашева¹⁴ и др. В них делается попытка осветить экономическое сотрудничество рабочего класса и колхозного крестьянства в развитии сельского хозяйства в республике. Главным недостатком этих статей является увлечение авторов фактическим цифровым материалом, в ущерб обобщениям и выводам.

За последние годы вышло в свет много интересных работ о деятельности местных Советов, авторы которых затрагивают вопрос о политическом сотрудничестве между рабочим классом и колхозным крестьянством в Узбекистане на современном этапе. Так, в работе К. Камилова¹⁵ всесторонне раскрывается политическое сотрудничество рабочего класса и колхозного крестьянства в Узбекистане.

В работах Х. Рахманкулова¹⁶, Х. Пулатова¹⁷, Х. М. Мильтыкбаева¹⁸ правильно освещены перспективы развития обеих форм социалистической собственности и основные вопросы экономического сотрудничества между рабочим классом и колхозным крестьянством в годы строительства коммунизма.

Интересные материалы по вопросам укрепления союза рабочих и крестьян приводятся и в работах наших философов, посвященных преодолению различий между городом и деревней. Среди них можно отметить книги Э. Юсупова¹⁹ и С. П. Турсун-

¹² Т. Л. Маслобойников, Трудящиеся Самаркандской области в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1958), Труды СамГУ, вып. 115, 1961, стр. 213—222.

¹³ И. Н. Волков, За дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов, Социалистическое сельское хозяйство Узбекистана, 1957, № 7, стр. 3—8.

¹⁴ А. Чашев, Подъем экономики колхозов в период развернутого строительства коммунизма (по материалам Сурхандарьинской области), Научные труды ТашГУ, вып. 223. Новая серия. Экономические науки, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 80—95.

¹⁵ К. Камиллов, Участие народных масс в управлении Советским государством, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964.

¹⁶ Х. Рахманкулов, Перспективы развития права социалистической собственности, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.

¹⁷ Х. Пулатов, Перспективы развития колхозной собственности, Ташкент, 1961.

¹⁸ Х. М. Мильтыкбаев, Строительство коммунизма в СССР и стирание социальных различий, в кн.: «Узбекистан по пути к коммунизму», Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 25—38.

¹⁹ Э. Юсупов, Преодоление противоположности между городом и деревней в ранее отсталых странах, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964; его же, Коммунизм даврида шаҳар ва қишлоқ, Ташкент, 1963.

⁷ Г. Р. Ризаев, Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

⁸ Б. А. Тулепбаев, Компартия Узбекистана в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства, Ташкент, Госиздат УзССР, 1959.

⁹ Б. А. Тулепбаев, Перестройка работы сельских райкомов партии, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

¹⁰ Б. И. Бугланов, Работа сельского райкома партии в новых условиях, Ташкент, Госиздат УзССР, 1954.

¹¹ Т. Пак, Новый этап в развитии колхозного строя и развитие общественных отношений в деревне, Научные труды ТашГУ, вып. 223. Новая серия. Экономические науки, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 96—112.

Мухамедова²⁰. Однако они недостаточно отражают общий процесс развития союза рабочего класса и колхозного крестьянства в Узбекистане на современном этапе.

В брошюрах М. Аюпова²¹, С. Ахмедова²², статьях Х. Назарова²³, Н. Баркова²⁴, В. Филиппова²⁵ освещается шефская помощь рабочим селу. Так, М. Аюпов отмечает, что «профсоюзные организации республики вносят общий вклад в развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства. Расширяются связи между городом и деревней. Особенно возросла роль профсоюзных организаций совхозов, РТС, призванных возглавлять соревнование за увеличение производства хлопка и другой сельскохозяйственной продукции, за комплексную механизацию, технический прогресс в сельском хозяйстве»²⁶.

С. Ахмедов, также подчеркивая роль шефской помощи города деревне, отмечает, что «всесторонняя помощь социалистического города колхозной деревне на новом этапе развития сельского хозяйства является вкладом в дальнейшее развитие колхозно-кооперативной собственности, приближая ее к собственности общенародной. Именно на основе укрепления колхозно-кооперативной собственности произошло еще большее укрепление нерушимого союза рабочего класса и крестьянства — этой решающей силы коммунистического строительства»²⁷.

Изданные в последние годы брошюры

С. К. Зиядуллаева²⁸, Х. М. Джалилова²⁹, К. М. Нарынского³⁰, З. Р. Нуриддинова³¹, статья С. Ш. Курбанова³² и другие работы довольно полно освещают совместную борьбу рабочего класса и колхозного крестьянства республики за освоение целинных земель Голодной степи, Центральной Ферганы и других районов Узбекистана.

Однако в рамках этих работ не нашли своего освещения вопросы политического союза рабочих и крестьян, а также культурной помощи города, рабочего класса целинным колхозам и совхозам.

Статьи и брошюры некоторых авторов (Д. М. Гилязитдинова³³, Р. Джуманиязова³⁴ и др.) посвящены развитию движения бригад и ударников коммунистического труда в промышленности и сельском хозяйстве республики. В них довольно полно изложена история зарождения и развития этого замечательного патриотического движения. Однако авторы их слабо освещают результаты распространения движения за коммунистический труд в сельском хозяйстве и, в частности, его влияние на моральный облик колхозного крестьянства.

Как видно даже из этого краткого историографического обзора, развитие союза рабочего класса и колхозного крестьянства на современном этапе находится в центре внимания наших историков и специалистов других отраслей общественных наук. Однако предстоит еще проделать большую работу, чтобы глубоко и всесторонне изучить и обобщить исторический процесс дальнейшего развития ленинского союза рабочих и крестьян в нашей стране.

А. Х. Валиев

²⁰ С. П. Турсун-Мухамедов, Преодоление различий между городом и деревней, Ташкент, Госиздат УзССР, 1963; его же, К вопросу об уничтожении противоположности между городом и деревней в Узбекистане, Научные записки Финансово-экономического института, Ташкент, 1956, вып. 7, стр. 169—188.

²¹ М. Аюпов, Профсоюзы Узбекистана в борьбе за построение коммунизма, Ташкент, Госиздат УзССР, 1959.

²² С. Ахмедов, Город — селу (из опыта работы партийной организации Узбекистана по претворению в жизнь ленинских идей о шефстве города над деревней), Ташкент, Госиздат УзССР, 1962.

²³ Х. Назаров, С помощью шефов, Партийная жизнь, № 10, стр. 86—89.

²⁴ Н. Барков, Помогать селу — наш долг (о дружбе ташкентских комсомольцев с тружениками села), журн. «Комсомольская жизнь», 1962, № 6, стр. 5—6.

²⁵ В. Филиппов, Помощь города деревне, Партийная жизнь, 1959, № 8, стр. 69.

²⁶ М. Аюпов, указ. соч., стр. 93.

²⁷ С. Ахмедов, указ. соч., стр. 29.

²⁸ С. К. Зиядуллаев, Пути освоения целинных земель в Голодной степи, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

²⁹ Х. М. Джалилов, Голодная степь и перспективы ее освоения, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.

³⁰ К. М. Нарынский, Преображенная целина, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1965.

³¹ З. Р. Нуриддинов, Мирзачул ўтмишида ва ҳозир, Тошкент, Уздавнашр, 1957.

³² С. Ш. Курбанов, Деятельность партийной организации Узбекистана по орошению и освоению земель Голодной степи в 1958—1961 гг., Вестник МГУ, сер. IX, История, 1963, № 5, стр. 3—20.

³³ Д. М. Гилязитдинов, Разведчики будущего, Ташкент, Госиздат УзССР, 1960; его же, Движение бригад и ударников коммунистического труда в сельском хозяйстве Узбекистана, Коммунист Узбекистана, 1960, № 8, стр. 31—39; его же, Из опыта первых бригад коммунистического труда в сельском хозяйстве Узбекистана, Сельское хозяйство Узбекистана, 1960, № 1, стр. 25—26.

³⁴ Р. Джуманиязов, Трудиться коммунистически, Ташкент, 1963.

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ ПЕРЕУСТРОЙСТВА АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

Изучение и обобщение исторического опыта Коммунистической партии и Советского государства по разрешению аграрного вопроса в республиках Средней Азии, в том числе в Узбекистане, имеет исключительно важное политическое, научное и познавательное значение. Этот опыт представляет большой интерес для народов развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, недавно вставших на путь национальной независимости.

В этой связи следует приветствовать выход в свет книги Р. Х. Аминовой «Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу»¹. Автору удалось обобщить опыт работы Коммунистической партии, Советского государства, местных партийных и советских органов по проведению аграрных преобразований в Узбекистане, раскрыть специфические особенности и трудности решения земельного (точнее земельно-водного) вопроса, тесно переплетавшегося здесь с национальным вопросом.

В книге подробно излагаются те изменения, которые произошли в земельных отношениях в Узбекистане в 1921—1925 гг. На большом фактическом материале показана расстановка классовых сил на селе. Автор правильно отмечает, что если в центре в период новой экономической политики ставилась задача экономического преодоления капитализма, замены капиталистических отношений социалистическими, то в Туркестане новая экономическая политика заключалась в ликвидации докапиталистических отношений, ставилась задача замены феодально-патриархальных отношений социалистическими. Укрепление союза пролетариата и крестьянства, составляющее существо новой экономической политики, для Туркестана означало укрепление союза между русским рабочим классом и дехканством местных национальностей.

Значительный интерес представляет обобщение опыта земельно-водной реформы и землеустроительных работ в Узбекистане. В монографии показаны многогранная деятельность партии, местных партийных и советских органов, земельных комиссий по подготовке и проведению этих революционных мероприятий, основные формы и методы землеустроительных работ, активное участие в них трудящихся коренного и переселенческого населения.

Анализируя основные черты и особенности решения земельного вопроса в Узбекистане, Р. Х. Аминова определяет этапы развития землеустроительных работ, рассказы-

вает об осуществлении закона о трудовом землепользовании на территории Узбекистана, наделении землей трудящихся крестьян из местного и русского переселенческого населения. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют материалы, обобщающие итоги землеустроительных работ в Туркестане в 1923—1924 гг. и экономическую помощь советских органов дехканским хозяйствам, получившим землю и воду в результате землеустройства.

Значение земельно-водной реформы и связанных с нею землеустроительных работ было исключительно велико. Советская власть, положив конец колониальной политике царизма, осуществила революционные преобразования, обеспечившие права и экономические интересы трудящихся крестьян национальных окраин России.

Однако национальное равноправие и уравнительный передел еще не означали разрешения основных задач некапиталистического пути развития. И в этой связи трудно согласиться с утверждением автора о том, что земельно-водная реформа и решения XII съезда Советов ТАССР по этому вопросу «явились курсом на ликвидацию эксплуататорских хозяйств» (см. стр. 116, 128). Думается, что здесь автор несколько переоценил социально-политические итоги земельно-водной реформы.

Как известно, земельно-водная реформа не исключила возможности развития капиталистических элементов в сельском хозяйстве. Для перехода мелких производителей к коллективной обработке земли, к социализму надо было пройти еще ряд промежуточных, переходных ступеней, и каждая из них имела свою специфику, свои причины и результаты.

Огромную роль в переходе узбекского народа к социализму сыграли широкая сеть сельскохозяйственных кооперативов, социалистических предприятий в сельском хозяйстве, государственная помощь трудящимся в расширении и укреплении кооперативного, социалистического сектора. От темпов и уровня развития социалистических форм во многом зависело созревание необходимых условий для ликвидации эксплуататорских хозяйств и социалистического преобразования узбекского кихлака. Этим вопросам посвящены специальные разделы исследования Р. Х. Аминовой. Подробное, в отдельных случаях даже детальное рассмотрение истории кооперативного строительства — одно из достоинств монографии. Автор воссоздает конкретную картину создания и развития простейших форм сельскохозяйственной кооперации в Туркестане в 1920—1925 гг. В книге правильно подчеркивается принципиальное отличие кооперации в условиях диктатуры пролетариата от кооперации при капитализме.

Однако, говоря о переходе от буржуазной

¹ Р. Х. Аминова, Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу, Ташкент, Изд-во «Наука», 1965, 347 стр.

кооперации к социалистической, нельзя забывать, что буржуазная кооперация как коллективная форма организации хозяйства делала «то дело, — указывал В. И. Ленин, — которое, несомненно, развивало самостоятельность масс, и в этом их большая заслуга»².

Коммунистическая партия не игнорировала положительные стороны старой кооперации, а использовала ее аппарат и накопленный ею опыт. В. И. Ленин подчеркивал необходимость «полностью использовать весь этот хорошо налаженный хозяйственный аппарат»³. И в настоящее время коммунистические и рабочие партии капиталистических стран стремятся усилить свое влияние на кооперативные объединения.

В книге Р. Х. Аминова всесторонне анализируется вопрос о соотношении различных форм кооперации, объясняется, почему в первое время наибольшее распространение получили здесь кредитная, потребительская, сбытовая кооперация и кооперативы дехкан-хлопкоробов, занимавшиеся главным образом посредническими операциями по закупке товаров для населения и сбыту продуктов сельского хозяйства. Обобщая деятельность этих видов кооперации, автор считает, что в начале 20-х годов «наиболее приемлемым был тип кооперации, сочетающий и кредитные, и потребительские, и коммиссионные функции» (стр. 116). Думается, однако, что в тех условиях, когда кооперация должна была охватить своим влиянием массу мелких дехканских хозяйств, ограничиться одной универсальной системой было бы нераціонально. Безусловно нужны были и другие простейшие формы сельскохозяйственной кооперации. Правда, на I съезде уполномоченных сельскохозяйственных хлопковых товариществ в феврале 1921 г. часть делегатов подняла вопрос о создании кооперации универсального типа. Но съезд, как об этом пишет и сам автор, «в постановлении счел сельскохозяйственные товарищества с кредитными функциями основным типом кооперации, наиболее отвечающим задаче кооперирования всех отраслей сельского хозяйства» (стр. 167). Эта форма кооперации, рекомендованная съездом, носила не универсальный, а отраслевой характер. В начале июля 1922 г., как отмечает Р. Х. Аминова, «в Туркестане было 60 хлопковых кооперативов, один садовый, один пчеловодческий и несколько кооперативов табаководов» (стр. 170).

Автор раскрывает картину развития кооперативного движения в Узбекистане, расширенное воспроизводство в кооперативах, как за счет внутренних накоплений, так за счет поддержки государства, подчеркивает роль кооперации в восстановлении экономики республики.

Однако достижения первых кооперативных организаций не означали еще, что все в них обстояло хорошо.

Кооперация в Узбекистане, как отмечается в книге, и по своей материальной базе, и в организационном отношении была гораздо слабее, чем в центральных губерниях России. Поэтому государственным органам здесь приходилось оказывать ей большую помощь, о чем подробно говорится в книге.

К достоинствам монографии относятся также освещение истории возникновения и развития первых колхозов, артелей, коммун и совхозов в Туркестане. При этом автор не ограничивается установлением точных фактов, а дает обстоятельный анализ внутренней жизни созданных в те годы колхозов и совхозов, объективно раскрывает их сильные и слабые стороны и на многочисленных примерах показывает накопленный ими опыт, использованный и приумноженный в последующие годы.

Принципиальное значение имеют разделы книги, характеризующие роль массовой крестьянской организации — Союза «Кошчи». Р. Х. Аминова определяет время возникновения Союза и обращает внимание читателя на специфику его деятельности. Союз «Кошчи» выполнял иные задачи, чем комбеды, просуществовавшие в центральных губерниях России до конца 1918 г. Но обе эти организации были опорой пролетарского государства в деревне. Имея административные функции, комбеды проделали огромную работу по изъятию хлебных излишков у кулачества для обеспечения городского населения и Красной Армии. Союз же «Кошчи», не беря на себя таких функций, как правильно говорится в монографии, служил главным образом средством вовлечения трудовых масс в советское, хозяйственное строительство (стр. 130). В книге достаточно полно и глубоко раскрывается деятельность партийных и советских органов Туркестана по организации Союза «Кошчи», количественный и социальный состав членов Союза, оказанная им помощь местным советским органам в проведении земельно-водной реформы, перераспределении земли, выявлении земельных излишков у баев, кулаков, распределении сельскохозяйственного инвентаря, семян, рабочего скота и в разоблачении махинаций байства и кулачества (стр. 143—145). Приводятся также данные о работе Союза в области культурного строительства (стр. 146), оказании помощи дехканским хозяйствам (стр. 143) и т. д.

Вместе с тем надо отметить, что материал внутри раздела размещается неравномерно, больше внимания уделено вопросам организации союза, чем его деятельности. На наш взгляд, следовало бы конкретно раскрыть содержание работы Союза, особенно его низовых организаций.

В рецензируемой книге много места уделяется экономической помощи Советского государства в восстановлении сельского хозяйства Узбекистана. Автор подробно опи-

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 201.

³ Там же, стр. 202.

сывает процесс восстановления дехканских хозяйств и основной отрасли сельского хозяйства — хлопководства, приводит много свежих, интересных данных, характеризующих постоянную помощь Советского государства хлопкоробам — семенами, сельскохозяйственными машинами и инвентарем. Финансовые льготы и кредит, агрономическая помощь, регулирование цен на хлопок и другие виды сельскохозяйственной продукции, восстановление ирригационной системы и расширение посевных площадей создавали необходимые условия для развития сельского хозяйства в крае.

Книга Р. Х. Аминовой во многих отношениях не только интересна, но и поучительна. В ней ярко отражается огромная работа партийных, Советского государства, местных партийных и советских органов по переустройству общественных отношений узбекского кишлака, объединению миллионов мелких производителей, преобразованию дехканского хозяйства на началах социализма.

Положительно оценивая книгу Р. Х. Аминовой, нам хотелось бы в то же время высказать и некоторые замечания. Автор почему-то не определяет своего отношения к до сих пор продолжающейся в литературе дискуссии о характере земельно-водной реформы. Между тем, некоторые исследователи, например В. П. Шерстобитов, придают реформе «сугубо социалистический характер»⁴, называя ее «земельной революцией». При этом упускается из виду, что уравнительное землепользование — это требование общекрестьянской революции, а «общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная и... без ряда переходов, переходных ступеней, сделать ее

социалистической в отсталой стране нельзя»⁵. К тому же буржуазно-демократическая революция в России, как известно, не решила до конца свои задачи в аграрном вопросе, и их пришлось доводить до конца уже после победы социалистической революции. А как обстояло дело в Узбекистане, решены ли были здесь уже в 1918 г. вопросы буржуазно-демократической революции, потеряли ли они свое значение в первой половине 20-х годов? Эти вопросы требуют еще глубокого изучения.

Автор не избежал и отдельных противоречий. Так, Р. Х. Аминова правильно отвергает утверждение Г. Р. Ризаева о том, что ленинский Декрет о земле на местах не проводился. Но тут же автор ссылается на неосведомленность местного населения о декрете. Но ведь ясно, что если бы трудящиеся не знали о декрете, то он по существу не мог бы и проводиться в жизнь. Трудно согласиться и с утверждением автора о том, что «создание Союза «Кошчи» должно было ускорить классовую дифференциацию кишлака» (стр. 14). Вторая же глава книги называется: «Дехканский Союз «Кошчи» и его роль в усилении классового расслоения узбекского кишлака». Но ведь в это время в кишлаке уже существовало классовое расслоение и сам факт образования Союза «Кошчи» свидетельствует об этом.

Но при всем этом монографическое исследование Р. Аминовой является полезным вкладом в изучение истории аграрных преобразований в Советском Узбекистане и остается только пожелать автору дальнейшего углубления исследований по столь актуальной и важной проблеме.

Т. Елеуов, Г. Дахшлейгер

⁴ В. П. Шерстобитов, Новая экономическая политика в Киргизии, Фрунзе, 1964, стр. 183.

⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 316.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АНДИЖАНСКУЮ ОБЛАСТЬ

В июне-июле 1965 г. Институтом языка и литературы имени А. С. Пушкина АН УзССР была организована комплексная экспедиция по изучению и сбору фольклора в районах Андижанской области, в которой приняли участие и авторы этих строк.

Экспедиция обследовала некоторые районы, чтобы выяснить размещение, сохранность, манеру исполнения эпических произведений, собрать сказки, легенды, предания, песни (кушик, терма, майда, ёр-ёр, улан и др.), пословицы, загадки, детский фольклор. Экспедиция уделяла внимание и языковым особенностям данного района, выявлению характерных отличительных черт в фонетике и морфологии говоров. Наиболее характерные по манере исполнения отрывки записывались на магнитофон.

В обследованном районе (в треугольнике Балыкчи — Янгикурган — Учкурган) удалось выявить около 15 сказителей народного эпоса. Большинство из них знает пять-шесть дастанов, чаще всего «Алпамыш», «Рождение Гер-оглы», «Юсуф и Ахмед», «Авазхон», «Свадьба Заманбека», «Кундуз и Юлдуз».

Хотя каждый сказитель исполняет эпос по-своему, все же можно наметить две основные традиции исполнения.

Первая, наиболее часто встречаемая, отличается характерной мелодикой стиха: мелодический рисунок охватывает 4 строки, в каждой из которых второй слог выделяется повышением тона, а два конечных — резким понижением и длительностью; иногда первая или последняя строка заменяется пропевом мелодии; в конце заключительной строки тон резко повышается. Для этой манеры характерно также наличие больших отрывков прозаического текста.

Подобное исполнение было зарегистрировано в Балыкчинском районе (потомственный сказитель Машраб-бобо Иррали оглы, 67 лет; кишлак Урманбек), в Учкурганском районе (Абдумунин-ота Хужамберди оглы, 75 лет; кишлак Наринкапа), в Пешкаранском районе (Раззак бахши Казакбай оглы, 85 лет; кишлак Оraryк). От Раззакбая было записано 4 дастана: «Абдували», «Побежденный Тимур», «Зебиджан и Калтёзи»,

«Нурали, сын Аваза», и новый, сложенный самим поэтом дастан-терма «О моем отце Ленине». К этой же группе можно отнести сказителя Хайдар бахши Байга оглы (73 года; Янгикурганский район, Бирлашганский сельсовет, колхоз «Узбекистан»). Однако его манера исполнения несколько отличается от остальных; мелодия охватывает обычно две строки: первая с постепенным повышением движения тона от среднего уровня, а вторая — с понижением тона ниже среднего уровня. Иногда законченная мысль растягивается на 3—4 строки; в таком случае каждая строка, кроме последней, исполняется с повышением тона, а последняя — или с постепенным понижением до среднего уровня или с повышением тона и повторением слова на низком уровне. Во всех случаях два первых слога выделяются одинаковым уровнем тона и длительностью.

Для первой группы характерно то, что почти каждый исполнитель знает, наряду с дастанами, терма и сказки.

Вторая традиция исполнения резко отличается от первой. Небольшое количество прозаического текста делится на предложения (на один выдох), и каждое предложение отделяется от другого музыкальным приступом. Поэтический текст исполняется с участием нижнего фаринкса, мелодия охватывает один-два стиха, тон мелодии не претерпевает резких изменений: начинаясь со среднего уровня (первый слог очень интенсивен), тон повышается, затем понижается, опять повышается с подготовкой и резко падает в конце ниже среднего уровня. Темп мелодии и размер стиха меняются на протяжении дастана в зависимости от содержания — темп убыстряется при передаче быстрых и массовых событий (скачка на коне, битва и пр.) и замедляется при более спокойном повествовании. Из представителей этой традиции можно назвать потомственного сказителя Дехкан бахши Карабай оглы (55 лет; кишлак Яшик), потомственного сказителя Хусан бахши Раджаб оглы (67 лет; кишлак Қайки).

Сказители, относящиеся к первой группе, довольно многочисленны. В распространен-

нии такой манеры исполнения, видимо, большую роль сыграл народный поэт Чутбахши Кушали оглы, умерший в 1948 г. в возрасте 75 лет. Будучи талантливым сказителем, Чутбахши скоро приобрел известность. У него появились многочисленные ученики (Хайдар бахши Байча оглы и др.). Сам Чутбай, как рассказывают его ученики, знал 15 дастанов: «Авазхан» «Рождение Гёр-оглы», «Обида Авазхона», «Свадьба Заман бека», «Алпамыш», «Кундуз и Юлдуз», «Юсуф и Ахмад», «Равшан», «Рустам» и др. Кроме дастанов, Чутбай помнил много терма (но не сказки). Вообще надо отметить, что в конце XIX — начале XX в. жанр дастанов был необычайно популярен; сказители Ферганской долины имели постоянную связь со сказителями других областей, участвуя в состязаниях, которые время от времени устраивались в различных областях Узбекистана.

Экспедиции удалось также собрать новые материалы о жизни и творчестве 30 сказителей, живших в конце XIX — начале XX в. Судя по данным, собранным от их современников, репертуар каждого сказителя был необычайно богат.

Члены экспедиции познакомились и с творчеством местных сказочников (Мирабдулла Реззаев, Дагота кишлак; Нуреддин, кишлак Айкаран; Ахмад ота Мирзабек оглы, кишлак Наринкапа; Саидалим Акрам оглы, кишлак Караскан; Мамаджан Курбан

оглы, Задарьинский район), от которых было записано много новых сказок различных жанров — волшебных, сатирических, бытовых и пр.

Экспедиция собрала интересный текстовый материал — песни, поговорки; были записаны на магнитофон алла, майда, четверостишия и ряд образцов исполнения «ёр-ёр».

Весь собранный фольклорный материал составляет около 40 печ. л.

В сел. Балыкчи удалось обнаружить рукописи погибшего во время войны поэта Мудаббира (Мулла Мойдина); собраны дополнительные материалы о поэте Мухтархане Ахмед оглы (убит басмачами в 20-х годах), авторе известного в Андижанской области дастана «Келмас Карасканинг суви».

Большую ценность представляет также автограф рукописи Хилвати (Мулла Юлдаш Турабай оглы), современника Надима Намангани и Мукими. Рукопись была передана членам экспедиции сыном поэта Акмалханом. Часть рукописи представляет собой разрозненные листы с записанными рукою поэта мухаммасами и рубаи. Другая часть — автобиография поэта на персидском языке. Впервые обнаруженный автограф Хилвати дает важные материалы, дополняющие наши представления об узбекской поэзии конца XIX — начала XX в.

М. Мурадов, Т. Боровкова

МУНДАРИЖА

Октябрнинг қирқ саккиз йиллиги	5
Х. Еқубов. Халқ ҳаётининг куйчиси (Ойбек туғилган куннинг 60-йиллигига)	8
А. М. Аминов. Иқтисодий назария — хўжалик сиёсатининг илмий асоси	13
Х. Т. Турсунов. Урта Осиё халқларининг миллий-озодлик ҳаракатлари тарихини ўрганиш масаласига доир	21
С. Мамажонов. Талантли шоир ва драматург (Собир Абдулла туғилган куннинг 60-йиллигига)	31
А. Д. Шарипов. Беруний билан Ибн Сино ўртасидаги ёзишмаларнинг унчалик маълум бўлмаган саҳифаларни	35

Илмий ахборот

С. Собиров. Ўзбекистонда 1950—1958 йилларда қишлоқ савдосининг ривожланиши ҳақида	43
Қ. П. Эркаҳўжаев. Ўзбекистон ССР Олий судининг тарихига доир	45
Р. М. Мадраҳимов а. Ўзбекистон аёллари ўртасида саводсизликни тугатиш тарихига доир	48
М. Н. Фёдоров. Қорахонийлар давлатининг сиёсий тарихига доир янги маълумотлар (Тарихий-нумизматик текшириш тажрибаси)	51

Танқид ва библиография

А. Х. Валиев. Ўзбекистонда ишчилар синфи ва колхоз деҳқонлари иттифоқи ҳақидаги адабиётнинг қисқача обзори	54
Т. Елеуов, Г. Дахшлейгер. Ўзбекистонда аграр муносабатларни қайтадан тузиш тарихи бўйича фойдали китоб	57

Илмий ҳаёт хроникаси

М. Муродов, Т. Боровкова. Андижон областига фольклор экспедицияси	60
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Сорок восьмая годовщина Октября	5
Х. Якубов. Певец народной жизни. (К 60-летию со дня рождения Айбека)	8
А. М. Аминов. Экономическая теория — научная основа хозяйственной политики.	13
Х. Т. Турсунов. К вопросу изучения истории национально-освободительного движения народов Средней Азии	21
С. Мамаджанов. Талантливый поэт и драматург. (К 60-летию со дня рождения С. Абдуллы)	31
А. Д. Шарипов. Малоизвестные страницы переписки между Бируни и Ибн Синой	35

Научные сообщения

С. Сабиров. О развитии сельской торговли в Узбекистане в 1950—1958 годах	43
К. П. Иркаходжаев. К истории Верховного суда Узбекской ССР	45
Р. М. Мадрахимова. Из истории ликвидации неграмотности среди женщин Узбекистана	48
М. Н. Федоров. Новые данные к политической истории государства Карханидов. (Опыт историко-нумизматического исследования)	51

Критика и библиография

А. Х. Валиев. Краткий обзор литературы о союзе рабочего класса и колхозного крестьянства в Узбекистане	54
Т. Елеуов, Г. Дахшлейгер. Полезная книга по истории переустройства аграрных отношений в Узбекистане	57

Хроника научной жизни

М. Мурадов, Т. Боровкова. Фольклорная экспедиция в Андижанскую область	60
--	----

Технический редактор *Э. П. Горькова*

Р08304 Сдано в набор 1/X-1965 г. Подписано к печати 29/X-1965 г. Формат 70×108^{1/16}—
2,0 бум. л. 5,48 печ. л. Уч.-изд. л. 5,5 Изд. № 1632. Тираж 1140 Цена 40 коп.

Типография Издательства „Наука“ УзССР. 2-я Высоковольтная, 21. Заказ 1187
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.

Цена 40 коп.

**Индекс
75349**